

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА

МОСКОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Литературная Республика

Коллектив авторов

**Альманах «Литературная
Республика» № 2/2018**

«Литературная Республика»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Альманах «Литературная Республика» № 2/2018 / Коллектив
авторов — «Литературная Республика», 2018 — (Литературная
Республика)

ISBN 978-5-7949-0665-3

В сборник вошли поэтические и прозаические произведения российских
авторов конца двадцатого – начала двадцать первого века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0665-3

© Коллектив авторов, 2018
© Литературная Республика, 2018

Содержание

Поэзия	9
Татьяна Аксёнова	9
Рязанская сага	9
Зелёная ветка	10
Дар Афродиты	10
Виолетта Баркова	12
Жертва непонимания	12
Ильин день	12
Левитация	13
Семь кругов бытия или «Семь „Я“»	13
Шёпот скончания	14
Сергей Берсенов	15
Мой дед	15
«Что-то снова пошло не так...»	15
За кулисами	16
Андрей Бондарь	17
Звезды в башке	17
Далекая жизнь	17
Чудесный вечер	17
Ленин	18
Механизмы любви	18
Галина Брусницына	20
Любимый улетает	20
Нередица	20
Москва распятая	21
Время светлячков	21
Анатолий Бушуев	23
Судьба	23
Любимой	23
Заветный камень	24
Елена Вагнер-Федосеева	26
Сергею Есенину...	26
Александр Глотов	27
Старое письмо	27
Соловьи	28
Когда не ждёшь...	28
Есть такое время года...	29
Григорий Гордусенко	31
Тех великих дней фронтовики	31
Военный связист	31
Генералу Великому Ивану Григорьевичу в день юбилея	32
Журавлиный клин	33
Раз приехал – отдыхай!	33
Людмила Иванова	35
Больше человечности!	35
Плач	37

Пленительная	38
Наталия Колотилина	40
Я листиком осенним	40
К чаю	40
Я не пишу об ужасах войны	41
Простите нас	42
Флёр любви	43
Анатолий Коротков	44
Осенняя пора	44
Архангельское	44
Здоровье береги	45
Виктор Костров (Бановэ)	47
Подмосковье	47
Как вечно жить молодым	47
Ключи к изучению иностранного языка	48
Борис Красильников	50
Эскиз	50
Мне бы тело молодое	50
Ревность	50
Красавице	51
Куда ушла былая красота	51
Я боюсь, что совсем некрасив	51
Письмо	52
Можно ливнем разрыдаться	53
У могилы С. Есенина	53
Виктор Кроль	54
Земля и люди	54
И души снова обретут покой...	54
Дорога в мирозданье	55
Мария Линдина	57
Пришла и говорю	57
Балерина от бога	57
Посвящение Л. А. Пахмутовой	58
Бессонница	59
Юрий Любушкин	61
Быть у горя в неволе – доколе?...	61
Печальные мысли	62
Звёздный караван	63
Живём в России	64
Терзание души	65
Макарыч	68
Восхождение...	69
Деревеньки России	73
К вам, Макарыч, с поклоном Россия	74
Куделиха	77
Ей – ей...	80
Вадим Максимов	82
Памяти хоккеиста	82
Большой родимый двор	82

Неразрешимое	83
Субординация	83
Неуходящее	83
И неправду в себе содержу	84
Соловей и власть	84
Устал титан	85
Газетчик-кукольник	85
Пасквиль на граций	85
«Осудим всякую реальность!..»	86
Разница между козлами	86
Новогодняя песенка	87
Новогоднее каприччио	87
Февральский дождь	87
Раздумья	88
Цыплёнок какаду, или циничная сказка	89
Похороны Винни-Пуха	90
Песнь о великом вопросе, или диссидентская сказка	91
Баллада о карлике с рогом на зад	92
Наша дорога	93
К свету	94
Ничья Селена	94
Ветровое стекло	94
Первое апреля	95
Весенний промельк	95
Весна	95
Гроза придёт	96
Низ	96
Двустешие	96
Песенка про асфальт	96
Летний монолог	97
Шквал	97
Берёзовый постскриптум	98
Осень	98
Хаос-творец	98
Песня деда Мороза	98
Мой колокольчик ёлочный	99
Папагалл	100
Промельки	101
«Земля! Небо твоё расторкано дырами труб...»	101
«У Вселенной стоять на посту...»	101
Мужество	101
«Выскочившая из массы...»	101
«Если пламя бессильно, мне жалко его...»	102
«Смеясь, сияют-светятся на смокинге прорехи...»	102
Саркастическое	102
Гордецам-славянофилам	102
Ячество	102
Откровенность панка	103
«От Маленького Мука спасу не было б...»	103

Урок орла	103
«Переменам судьбу перемены пока не устроили...»	103
К 100-летию Московской Олимпиады-1980	103
«Словно касанье священной руки...»	104
«Стыдится дождливая зимняя мгла...»	104
«Сколько гулких морей последняя капля скопила!..»	104
«Что нам порой остаётся на свете!..»	104
Богини	105
На мотив	105
Весна у фонтана	105
Луна и печенье	106
Я	106
Неожиданное	106
Нежданное	107
Эпитафия некоторым романтикам	107
Привет великих шалунов	107
Победная песня пегаса	107
Осторожно: целитель!	108
Герой	108
«Если ты – из Будущего птица...»	109
Буревестник	109
Ответ	109
К имени	110
Что – кино?	111
Рок-музыка	111
«Мы Вечность чтим, её не зная сути...»	112
Созиданья смелый рой	112
Лучи Сашиной клятвы	112
Наречья будущих ребят	113
Утро	114
Лирический эскиз	114
Павлин	114
«Бетон под духотою дождевою...»	115
Поэтессе ирине антоновой	115
Памяти поэтической души	116
Дядя Костя	116
Азбука	117
Куриные подушки	117
Змея и цыплёнок	118
«Солнцу, луне, о, предки живые...»	118
Вальс	118
Мост	119
Ночь необъятная	119
На Андреевском мосту	120
Стеснённое тепло	120
К Надежде	121
«Идти ль на подвиг, открывать ли свет...»	121
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Сборник

Литературная республика, № 2 / 2018

© Московская городская организация Союза писателей России, 2018

© НП «Литературная Республика», 2018

© Авторы, 2018

Поэзия

Татьяна Аксёнова

Москва

Рязанская сага

В Рязани резные и разные ставни,
Дома без гвоздя, что спички...
Батыевы орды, конечно же, станут
Огнём городище пичкать!

Горазды хазары крушить базары,
Суть половца – в ловчей неге,
Послушны охотничьему азарту,
След в след пришли печенег...

Дружинам – дружить! Но у русских княжеств
Одним другого – не жалко.
Кто сам за себя – Чингисхан повяжет,
Утопит в прохладной Калке...

А внук его у реки Воронеж
(Когда подрос – не спросили!)
Потребовал дани с Рязани, вроде ж,
А с Фёдора – Евпраксии...

В Рязани разини резонов не знали,
Но княжеский сын – не робок:
«Коль нас одолеешь, Батый, вначале —
Насытишь свою утробу!»

У морды орды налились кроваво
Белки щелевых отверстий...
Послов убивать кто давал им право?
Да страх – посильнее смерти...

В Рязани – разруха, плач по Евпраксии,
А в воздухе – запах гари...
Пусть лучше погибнет моя Россия,
Чем топчет её татарин!

Пусть лучше – о камни! Всё сами, да сами,
Лишь с Мурوما шла подмога...

В Рязани, известно, грибы с глазами,
Да скажут они немного.

Зелёная ветка

Вокруг пространство намахорено,
А поезда, как поезда:
Опять не все идут до Ховрино,
Идут неведомо – куда?

И снова снег, и снова лужи, но
Какой-то голос мне сказал
Из узнаваемо-заслуженных:
«Конечная – Речной вокзал!»

Зачем же на Речной, помилуйте?
Я в поезде, как в корабле,
Сквозь воды Леты – в Nautiluse,
Полна фольклором, как Рабле,

Его гротеском нашпигована...
Я выйду раньше, вот же чёрт!
Хоть в Ховрино сейчас фигово нам,
Но есть метро «Аэропорт».

Куда взлетаю – непонятно мне!
Вернусь, быть может, на кольцо?
От взглядов-комплиментов пятнами
Зардеется моё лицо...

Я путешествую во времени,
А это, вообще-то, хитро!
Моя Москва опять беременна
Конечной станцией метро...

Дар Афродиты

Каплей крови Урана, а, быть может, моей
Мироточила рана средиземных морей.
Волны сливками взбиты, взбудоражен прибой...
Если есть Афродита – существует любовь!

Эти камни, что скалы, где явилась она,
И меня там ласкала, баловала волна:
На поверхности море, словно золото, блестит...

Нет печальней историй про земных Афродит!

Я в сверкающих водах всё за сказкой плыла,
Вижу, красное что-то: кровь ли в море ала?
Нет садов тут, поодаль, жриц заботливых нет,
Чтобы кто-то вдруг отдал Афродиты привет!

И не мячик маячит предо мной наяву,
Что-то круглое... Значит, разберусь – доплыву.
Это – яблоко? Что же, принимаю дары,
Быть такого не может вне условий игры!..

Где оно раздобыто неуёмной волной?
Неужель, Афродита поделилась со мной
Этим красным, прекрасным, полноценным на вкус,
Атрибутом опасным для вкушающих уст?

Я отдам тебе розы, сладкой негой звуча,
Пусть на жертвенник слёзный ляжет страсти свеча
Пусть она разгорится затаённой мольбой —
Мне богиня-сестрица посылает любовь!

Можно верить – не верить, и дышать – не дышать.
Мной ракушки, как двери, подносимы к ушам...
Створки в них приоткрыты, голоса, точно зов:
«Если есть Афродита – существует любовь!»

Виолетта Баркова

Москва

Жертва непонимания

Порвал художник холст любимый свой.
Порвал, но не отдал невежде.
Художник рисовал без усталости, в надежде,
Что дух его картин прорвётся в мир иной...

Но жесткий слог газетного листа
Вещал о субъективности творца:
«Идея где? Конкретность? Форс-мелизм
Не соответствует понятию реализм».

Порвал художник холст любимый свой
В момент один – неистово, спонтанно...
Смахнул слезу... смеялся над собой...,
А Бог над жертвою рыдает неустанно:

«Я сотворил Момент. Ты в красках перелил
Моё Творение в свои переживания:
Себя Я преподавал, а ты Меня убил,
И жертву преподнёс Творцу Непонимания!»

Ильин день

Похоже – в Небе – Чёрный Конь
Сердит на Седока.
Ретивый Конь!
Стальная бронь
Взрывает облака!
Коль кто-то – Свыше – подтолкнёт —
Столкнутся Небеса!
Тогда – разверзнется гроза,
И сбросит Седока.
А Конь тот Чёрный – без удил —
Промчится над Землёй,
И Громовержец возопит
Архангельской Трубой!

2 августа 2017 года

Левитация

Одиночество моё!
Мы опять с тобой вдвоём
потанцуем и споём
в поднебесье голубом.
Поплывём и полетим
к ним! —
Высоким облакам,
где всегда привольно нам!
Там припомним и простим —
им!
Хорошим и плохим
притяжениям земным,
кто мешал нам вознестись —
ввысь!

Семь кругов бытия или «Семь „Я“»

Попав в орбиту Матери-Земли,
Дух устремился к плоти благодарной.
И в «круге первом» было мне отрадно,
А воды чрева в мир меня несли.

Закончив первый круг, я в жизни оказалась.
И благодати не было конца!
Любила всех! И маму и отца,
А всё вокруг мне только улыбалось!
Играла жизнь. как сладостный недуг!
Я ощущала лишь стремленье плоти.
Как бабочка в огонь, (иль что-то в этом роде),
Я брошена была в последующий круг.

А «третий круг» летел всего быстрее.
Здесь жизнь царила жадно, с вдохновеньем!
Не проверяла практики сомненьем:
Летела молодость на крыльях у страстей.

В Четвёртом круге было суждено
Блаженство осознания и понятия:
Должна, наверно, что-то предпринять я,
Мне от рожденья многое дано.

Предстал «круг пятый». Самый трудный круг:
Путь творчества, сомнений и страданий,

Но я, пройдя все эти испытанья,
Преодолела горестный недуг.
Бог совесть подарил, труд знания в руки дал,
И цену времени, и что Судьба велела
Жила и ошибалась то и дело...
Но Перст Господней Путь мне указал

В «кругу шестом». Коль время позовёт,
Я сброшу сибаритство и притворство,
И книжной пыли мудрое господство,
Пусть счастье новое к себе меня влечёт.
Отдать другому, что приобрела:
Построить дом, взрастить родное семя.
Я много поняла, и у меня есть время
Понять, что друг, семья – моё «седьмое „Я“! —
«СЕДЬМОЕ НЕБО» В КРУГЕ БЫТИЯ!

Шёпот скончания

Шепчет скончание мигу рождения:
«Здравствуй, Великое Божье творение!
Радуйся новому Кругу Начала,
Вечную жизнь я тебе нашептала»

Вкрадчиво шепчет рожденью скончание:
«Жизнь нам отпущена для покаяния,
Для искупленья греха первородного:
В царствии Божьем страсти животного»

Тихо рождению шепчет скончание:
«Жизнь нам даруется для осознания,
Для оправданья земного завета —
Краткости Мига в вечности Леты»

Сергей Берсенов *Москва*

Мой дед

Мой дед не брал с Егоровым рейхстаг,
не бил врага в окопах Сталинграда.
Победы май его в плену застал —
будь счастлив возвращению до хаты!
Будь счастлив, что вообще остался жив,
четырежды познав мираж побега...
Не предавал, сдаваясь? Докажи!
Чтоб дома посчитали человеком...
А кое-кто пророчил всем Сибирь —
мол, даже не пытайтесь Богом клясться!
Молчи, солдат, в две дырочки сопи —
вот-вот освободят американцы...
Он молча улыбался им в ответ...
Как будто даже в чём-то соглашался...
Откуда на Россию столько бед?
И эти лезут в душу, манят шансом...
Уже, по слухам, строится стена...
Народы тут причём? Решили свыше...
Зачем ему свободная страна,
где матерного слова не услышит?
Где беглые изгои, как в раю,
живут и, словно янки, скалят зубы...
Он вспомнил мать, любимую свою...
И то, что может быть по-русски грубым!
Мой дед не брал с Егоровым рейхстаг...
Такая правда вызрела сякая...
Расставили героев по местам
Берлин и город Шумана Цвиккау.

«Что-то снова пошло не так...»

Что-то снова пошло не так:
на ладони грустит пятак,
люди мимо идут, молчат,
а бывало — навстречу мчат!

Распростёртых объятий жар!
Их взамен посильней прижать
руки тянутся и — в кольцо...

Словно в зеркало – взгляд в лицо.

Мне казалось тогда навек
любит ближнего человек.
Что причиной тому не чин,
и не кресло среди причин.

Вроде тот же имеет вид:
от чего только не привит:
гепатит, дифтерия, боль...
Бывший друг, превращённый в ноль...

Не спросил я: «А вдруг тебе
отказала бы жизнь в тепле?...»
Эх, душа, потаённый грот...
Ускорение... Поворот...

За кулисами

Сто раз шедевры переписаны,
чтоб – не горохом, не об стену...
Мы все – герои за кулисами,
а скоро выходить на сцену...

В минуту перевоплощения
куда девается бравада?
Забиться хочется в расщелину —
роль простака коротковата.

И даже самые везучие
не верят в добрые приметы.
Цветы признания – по случаю,
да зависть ближнего при этом.

Уходят в прошлое овации,
напоминает зал пустыню...
Артисту стоит волноваться ли
о том, что сердце вдруг остынет?

Повадки льва не схожи с лисьими,
он постоянно под прицелом.
Мы все – герои за кулисами,
а скоро выходить на сцену...

Андрей Бондарь

Москва

Звезды в башке

*«Какие мне звезды кружили башку,
Кто думал иначе – не жили»*

Вячеслав Сивов

Какие мне звезды кружили башку,
Горбатого мне не лепили
Я к ним приближался почти по шажку
Французские вина мы пили

Иначе со звездами просто нельзя,
Такое в постели творили!
Теперь же мы с ними просто друзья,
Кто делал иначе – убили

Далекая жизнь

В Галактике есть множество планет
До них не долетает Солнца свет
И не доходит свет до них совсем!
В опровержение многих теорем

И если есть на тех планетах Жизнь
Я попрошу: ты крепче там держись!
Родится где-нибудь сверхновая звезда
Освещена ты будешь ею навсегда

Ну а пока царят там хлад и тьма
Будь Жизнь, изобретательной весьма
И для тебя иссякнет у Вселенной ночь
Тебе мы сможем сообща помочь!

Чудесный вечер

Свора кузнечиков громко стрекочет
Пчелы несут по леткам свой взятток

И утихают они только ночью
Долго искал я такой уголок!

Кваканье слышим мы сотен лягушек
Вечер наполнен душевным теплом
Ты лишь тихонько присядь и послушай
Хор горожанам такой незнаком!

Хевиз, Венгрия

Ленин

Сегодня мне приснился Ленин,
И не совсем-совсем в гробу
Он вышел сам из Мавзолея,
С живою жилкою во лбу

Охранники у Мавзолея,
Увидев, что он выходил
Стояли на посту, немея,
Держались из последних сил

Направился он к Спасской башне,
Одернув черненький фракчик,
В помятой лишь слегка рубашке
И руку сдвинув на бочок.

Но, увидав его китайцы
Гуртом за Вовой погнались
Он убегал от них, как заяц,
Откуда силы то взялись!

В Китае, в мире их подлунном,
Великий кормчий там лежит
Его зовут Мао Цзедуном
Вдруг его Ленин оживит!

Механизмы любви

Благоухали васильки,
Мычали на лугу коровы,
А я просил твоей руки,
Ты отказала снова, снова

Влюбленность – это не порок,
А состоянье организма,

И мне понять бы между строк
Любви и счастья механизмы

Галина Брусницына *Москва*

Любимый улетает

Благословляю твое небо
Во всё своё земное нёбо!
Ах, только докричаться мне бы
Сквозь гнет тревожного озноба,
Сквозь тучи, взбитые циклоном,
И рёв, пространство рвущий клином,
Чтобы с ладоней небосклона
Сошел ты наземь невредимым!

Нередица

(далекой подруге)

Над тобою Южный крест,
Надо мной Медведица...
Для тебя спасенье – Вест,
Для меня – Нередица¹...
Ты прекрасна и умна,
Ну а я – нелепица...
Отчего душа одна
Сквозняками треплется?

Оттого, что ей одной
Вековать не хочется —
Стал бы досточтимый Ной
С парами морочиться?...
Спотыкаясь и греша,
И верша движение,
Наша вечная душа
Ищет отражения...

Снова сон к тебе ведет
По воде, как посуху —
И не нужен самолет,
И не нужно посоха...

¹ NB: Нередица – Церковь Спаса-на-Нередице, из древнейших храмов Домонгольской Руси.

Ночью за окном окрест
Надо мной Медведица...
Ты несешь свой Южный крест,
А со мной – Нередица.

Москва распятая

Москву, распятую на пальцах
Садового кольца,
Веков исколотые пальцы
Терзают без конца.
И на свою работу глядя,
Не думают о том,
Что вышивают реже гладью,
А чаще всё крестом.

Кресты могил и храмов стольных,
Лихих и светлых вех
Выводит нить произвольно,
Совсем не по канве.
С лица у вышитой столицы
Приглажены стежки,
И плотно к нити нить ложится,
С изнанки – узелки...

И столько сломано иголок
Напёрстками эпох,
Что каждый крохотный осколок
В стон превращает вздох.
На выбеленный лён столица —
Меж строчек и петель —
Ложится грустно, как девица
В постылую постель.

Беда, когда чужие пальцы
Касаются лица,
Не соскользнуть с железных пальцев
Садового кольца,
Когда чужие руки гладят
Родимые черты,
И, отражаясь в синей глади,
Качаются кресты...

Время светлячков

Когда, наконец, просыпается небо,
Глаза распахнув после долгого сна,
Срывая простынки последнего снега,
Весь мир будоражит и будит весна,
Когда по белесым лесам изумленно
Моргают спросонок ресницы берез,
На Землю спускается время влюбленных —
Волшебное время особенных грез.

Волшебное время особого света,
Как пар от земли, как гурьба пузырьков,
Как искры – взвивается вверх, и при этом
Людей превращает в больших светлячков.
Наверно, они вам не раз попадались —
И днем видно – крылышки ярко горят,
Антеннками усиков соприкасаясь,
Попарно над самым асфальтом парят...

Летят над тропинками, над тротуаром,
По весям весенним, не чувствуя ног,
И самые юные хрупкие пары,
И те, кто немало осилил дорог.
Все разные, но друг на друга похожи
Свечением светлячковым своим,
Невидимых крылышек трепетной дрожью...
А те, что другие, завидуют им.

Анатолий Бушуев ***Жуковский***

Судьба

Зовут меня память вернуться к истокам
Прошедшие годы ушли навсегда
Мне не было грустно и одинокою
Во все здесь вмещалась плутовка судьба

Везде мы ходили дружной ватагой
На речку купаться, иль рыбу ловить
Парою сидели за белой бумагой
Этюд написать, в красках душу излить

От дел отрывались, чтоб пообедать
Потом снова умчаться вперед
Никто из нас не знал и не ведал
Что через годы с ним произойдет

Окончена школа, стоим на пороге
Жизни своей, она манит зовет
Мы просто мальчишки. Мы ведь не боги
Кто-то отстал, кто-то вышел вперед

Один академиком стал, другой шоферишкой
Крутить баранку ему не впервой
Но все мы просто мальчишки
Со своей неповторимой судьбой.

Судьба у каждого своя
Она всегда играет в прятки
Но доверяться ей нельзя
Тебя положит на лопатки.

29.08.2018 г.

Любимой

Ночь наступила, день угас
Закат потух над тихой рекою.
Я часто вспоминаю Вас
Вы были так добры со мною.

Как облегченно дышит грудь

Уснувший сад стоит стеною
На звездном небе млечный путь
В молчанье говорит с тобою

Вот звездный дождь вдали прошел
От вспышки озарилось небо.
Как хорошо, что я тебя нашел
С тобою я где – только не был.

Опять холодные седые облака
Плывут над брэнною землею.
В моей руке, лежит твоя рука
Ты будешь навсегда со мною.

Ушедший поезд скрылся вдалеке
И стук колес умолк за горизонтом
Не встретить мне тебя уже.
Встал мир передо мною белым фронтом

Лишь только память сердце теребит
И не дает ему утомиться
Как было хорошо тебя любить
Навеки, навсегда с тобою породниться.

Заветный камень

Заброшенная церковь на берегу реки
Стоят разрушенные стены
Никто не может мимо них пройти,
Чтоб не преклонить колени

Она многое видала на своем веку
Здесь не одно сменилось поколение
Пред ней могильный камень лежит на боку
На нем письмо я вижу без сомненья

Истерлась надпись та от времени,
Но ясно виден буков след.
Быть может он с чего – то погребенья.
Которого давно пропал и след.

Присяду я и помолчу не много
Здесь мы с тобой сидели и не раз
Чтобы идти в обратную дорогу
Та церковь провожала нас.

Я с нею уже давно сроднился

Я к ней хожу почти, что 40 лет
В сознании моем тот камень отложился
Заветный камень, его дороже нет.

Елена Вагнер-Федосеева
Москва

Сергею Есенину...
Из цикла «Посвящения-2018»

(отрывок)

Вот взметнулся каскад звёздных искр...
Я попала в вселенские дали...
И свернулся мой маленький мир...
Я безбрежная... плоть потеряла...
Я прозрачна для боли, тоски...
Нет печали... лишь радостно сердце...
Соловьём я пою о любви...
Подзываю к себе одноверца...

Я впервые пою про любовь...
Я не знала ЧТО это такое...
Как запущенный сад был мой кров,
Под дырявою крышей земною...
Я взирала на зрелых мужчин,
Как на зверя из клетки инстинктов...
А юнцов не любить – сто причин:
Неумелы, глупы и конфликтны...

Пригубила небесный нектар,
Накусила амброзии кусочек...
И в крови уж пылает пожар:
Отпила я всего лишь глоточек...
Разливается в венах «вино»,
Я вкуснее его не пивала...
Боже... Боже... золотое руно
Стало мне для души покрывалом...

Александр Глотов *Подольск*

Старое письмо

На старой полке в доме книги разбирая,
Как на историю взирая грустновато,
Одну открыл, страницы вяло пробегаю.
Листок бумаги выпал, вложенный когда-то.

Короткий взгляд, и всё расставилось мгновенно.
Письмо отца... Хоть на слова он мог скупиться,
И никогда мне не писал так откровенно,
В тот раз решил о смысле жизни поделиться.

Явила память все детали в ту минуту,
Назад в дни юности далёкой возвращая.
Тогда решив открыть мне душу почему-то,
Повествовал отец, как в тайны посвящая.

Чуть косо сложенный простой листок тетрадный.
Неровным почерком набросанные строки.
Порядок слов местами где-то чуть нескладный,
Но мысли ясные, и взгляд на жизнь глубокий.

Письмо хранил я это долго, понимая,
Не охватить всего мне, сразу не допрыгнуть.
Его не выбросил, и в книге оставляя,
Читал не раз ещё, пытаюсь глубже вникнуть.

Но только позже память ниточку теряла.
Дела иные и заботы захватили.
Та книга дальше от себя письмо скрывала.
А годы шли, житейской мудрости учили.

Но вот оно... И годы плаваются под взглядом.
Встают те образы и старые картины.
Его писавшего уже нет в мире рядом,
Но оживают светлой памяти глубины.

Я перечитываю выцветшие строки,
Их полный смысл теперь лишь только постигая.
Они мне голосом отца дают уроки,
Что не успел усвоить в юности тогда я.

СОЛОВЬИ

В предрассветном зыбком окружении вы ещё пропойте, соловьи,
Чтобы как в далёком сновидении встали годы юности мои.
Чувства отголосками щемящими сердце взбудоражили волной,
Разошлись потоками звенящими, закружили в радости хмельной.

Безмятежной серостью укрытые, разнесите трели в тишине.
Пусть опять мгновения забытые в новой оживут для них весне.
Дрогнут ощущения смущённые. Под призывный трепетный напев
Разбегутся мысли окрылённые, смутные надежды углядев.

Зачаруйте чудным звонким пением призрачно-зелёную канву.
Одарите сказочным видением. Чтобыплыли будто наяву,
Белизной черёмуха облитая, запахов дурманящих настой,
Та улыбка девичья открытая, что осталась в памяти со мной.

Растревожьте душу одинокую, колыхните тонкую струну.
Разбудите мне совсем далёкую, навсегда ушедшую весну,
Пусть хоть на чуть-чуть ещё почудится, в невесомом мареве
скользя,
Что теперь никак уже не сбудется, и вернуть из прошлого нельзя.

Когда не ждёшь...

Когда не ждёшь хороших новостей,
Поскольку больше неоткуда ждать.
Напившись яда жизненных страстей,
Нектара вкус уже не распознать.

Когда огонь, верхушки опалив,
Не в силах пламя яркое разжечь.
Мир стал вокруг вдруг бледен и тосклив.
Не смог чем дорожил я уберечь.

Не потревожит трепет бурных чувств
Мне струны поистрёпанной души.
В воспоминаньях прежних безрассудств
Лишь затеряться с мыслями в тиши.

Ещё не разуверился во всём,
Но как-то вдруг с печалью осознал,
Шёл не всегда каким хотел путём,
И может быть, не то совсем искал.

Шагнуть пытался часто напрямик,
Терялся тут же, где-то увязал.
Встречался с тем, к чему бы не привык.
Плутая в дебрях, выходы искал.

Теперь лишь призадумался порой,
А вдруг совсем не тем я просто жил.
И мир на деле явно не такой,
Каким его всегда боготворил.

Мечта и вера часто далеко,
Бредут от нас по разным сторонам.
И им возможно тоже нелегко
Делить все с нами лиха пополам.

Осталась накипь тягостных обид,
Тугая злость, но только на себя.
Душа занает, сердце заскулит.
Непросто жить, так много не любя.

Что будет на оставшемся пути,
Мне встретится, взволнует и проймёт.
Как долго по нему ещё брести,
Невзрачным краем, в серости невзгод.

Где, зацепившись, снова удержишь.
Мир хрупок так, в нём всё на волоске.
И там моя просроченная жизнь.
Ты с ней пока, всё так же, налегке...

Есть такое время года...

Есть такое время года, серость.
Там сойдутся осень и зима.
Тихо наплывёт оторопелость,
Сдавит наседающая тьма.
Облака нависнут без просвета,
Небо плотным пологом закрыв.
Как и не являлось бабье лето,
Миготом отыграет, отступив.
Празднично листва налётом рыжим
Просияет, солнца свет лоя.
И опять тоска подкатит ближе,
Глубже въестся в душу норовя.
Дни скользят потухшим вялым взглядом
По равнинам бледным и пустым,
Омрачая слякотным нарядом,

Обликом пугая неживым.
Мелкий дождь вольётся в безысходность,
Поползёт слезами по стеклу,
Забубнит про жизни мимолётность,
Сея причитания во мглу.
Неумело ноты подбирая
К теме про унылость и покой.
Всё одно и то же повторяя,
Застревая в сырости смурной.
Как остатки старых декораций,
Где погашен свет прожекторов.
Больше не сойдёт поток оваций,
Дальше не услышишь ярких слов.
Лишь накоротке воспоминанья,
В глубине сквозят ушедшим сном.
И не будоражат ожидания,
Есть лишь сожаленья о былом.

Григорий Гордусенко *Истра*

Тех великих дней фронтовики

Посвящается участникам Московской битвы

Легендарные фронтовики!
В Сорок первом ходили вы в бой,
Зимой лютой у Истры-реки
Заслонили Москву вы собой.
Отстояли вы Истру в боях —
И мы жизнью обязаны вам.
Имена ваши все на устах
Тех, кто ценит людей по делам.
Вы Отечества гордость и честь,
На скрижаль – золотая строка.
Хорошо, что вы были и есть, —
Молодым вы пример на века.
Тех великих дней фронтовики! —
Все, ходившие в бой под Москвой,
Из союзных краёв земляки, —
Вы исполнили долг свой святой:
Победили вы силу страны,
Чей жестокий коричневый спрут
Вверг планету в пучину войны, —
Тем значительней ратный ваш труд.
В мирной жизни не всё вам равно:
Как в сраженьях её вы прошли —
Созидали, боролись со злом...
В сотнях дел интерес вы нашли.
Наши славные фронтовики!
Полевой сберегли вы закал —
Уж давно поседели виски,
Но вы держите жизни удар.

Военный связист

*Посвящается ветерану Великой Отечественной войны Ивану
ЛАШИНУ*

На войне Иван связистом был – рисковым, смелым,
Он с «катушкой» сотни километров прошагал,
Связь тянул лесами, пашней чёрной, лугом белым...

– Есть контакт, готово! – чётко в штаб рапортовал.

Что помехи вражды, встреча с фрицем-диверсантом!..
Прерванную связь Иван налаживал, как спец.
Он мечтал о мирной жизни, в ней раскрыть таланты —
Твёрдо верил: немцам скоро будет блицконец.

Как сады весенние манили в край родимый!
Работающих рук ждала колхозная земля.
Но разматывал Иван «катушку» до Берлина —
Связь нужна была войскам, Победа им нужна.

И пришёл весной тот День священный, долгожданный —
И взлетал Иван с рук братьев-сослуживцев вверх!
Радость, ликование, светлый май благоуханный...
А в Кремле бойцу готовил орден² Главкововерх.

Генералу Великому Ивану Григорьевичу в день юбилея

Салют тебе, Иван Великий,
Земляк семёновский³, сердечный друг.
В сей день Москвы ты вспомни лики,
А я – семьи твоей радушный дух.
Ты в академии военной⁴,
Я в МГУ – какой же был восторг!
Столица не была надменной,
Как в дикий нынешний базарный торг.
Горжусь тобой, Иван Великий,
Из генералов славный генерал.
Не предал ты Союз великий —
Высок твой долга, чести номинал.
Завидуют тебе пусть бати
Из «обновлённых» Сердюковым Сил —
Им не рулить мощнейшей ратью,
Какой ты в том Союзе сам рулил.
Не Пётр ты Первый, хоть Великий, —
В боях его ты славу не стяжал.
Народ советский многоликий
В тебе Солдата Мира уважал.
Свой путь прошёл ты благородно,
Фамилию свою не запятнал.
Так сохрани же дух походный —
К 100-летию шагай, мой генерал!

² И.Ф. Лашин награждён орденом Красной Звезды и двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, многими медалями

³ Семёновка – наше с Иваном Великим родное село на Полтавщине.

⁴ В то время – Академия имени Фрунзе.

Журавлиный клин

Посвящается жене Галине

Клин журавлиный, чародей,
Летел ты осенью под вечер
Над домом девушки моей,
Где шла тогда помолвка-встреча.

Кричали мы в окно тебе:
«Дай счастья нам! И дай нам мира!».
«Курлы-курлы!» – неслось с небес,
В сердцах, казалось, пела лира...

Промчались мирные лета,
Уже и внуки повзрослели,
Нам счастье дали те года,
А песни вот не все мы спели.

Клин журавлиный, чародей,
Летишь вновь осенью под вечер
Над очагом семьи моей...
Мы долго ждали этой встречи!

Опять курлыканье твоё
В сердцах ту лиру пробуждает.
Как в небесах на юг плывёшь, —
Глядим, очей не отрывая.

Клин журавлиный, чародей,
Ты по весне к нам возвращайся...

Раз приехал – отдыхай!

(шуточное)

Друг позвал на дачу в гости,
В первый день открыл сарай,
Вынес уйму досок, гвозди...
– Раз приехал – отдыхай!
Молоток забыл, вернулся,
Положил на стол, на край.
– Вишь, штакетничек загнулся.

Раз приехал – отдыхай!
На второй день вновь задание —
Так, как будто невзначай:
– Сад полить бы, увядает...
Раз приехал – отдыхай!
Третьим утром встал я рано,
Чтоб... покинуть этот «рай».
– Установишь ты мне ванну.
Раз приехал – отдыхай!
В общем, отдых был условен,
Дачных дел – аж через край.
– Ободрать кору бы с брёвен...
Раз приехал – отдыхай!
Отдыхал я – просто диво:
Красил дом, снял урожай...
– Отдых должен быть активным.
Раз приехал – отдыхай!
Наконец отъезд, прощанье,
Уф, умаял этот «рай»...
– «Отдых плюс» я обещаю.
Летом снова приезжай!

Людмила Иванова
Москва

Больше человечности!

Как страшно жить!
Рената Литвинова

За толпой лавинною,
С места и в карьер
Я стремлюсь, наивная,
Словно пионер,
«Взять» с разбега длинного
Следующий «барьер»...
 Но тропой звериною,
 Скопищем химер
 В нашу жизнь интимную,
 Прикрываясь тиной,
 «Втёрся» с пастью львиною
 Рыжий Люцифер.
С ним за нами гонится
«Вражеская конница»
США – страны, поклонницы
Санкционных мер.
 Злобою гонимые,
 «Миротворцы» мнимые,
 Проявляя прыть,
 Нам мешают жить!
А до счастья райского
В розовом саду —
«Шаг» с холма Синайского —
Переплыть реку,
 Но, тайком, за спинами,
 Вскормленный ИГИЛами,
 Боевик с «тротилами»
 Выдернул чеку.
Будущность – с руинами,
Страшно, как в аду —
Так и жди беду, —
И по полю минному
Я в толпе бреду...
 Жизнь, зубами лязгая,
 Теплится во мгле,
 Радости не празднуем —
 Страшно на земле!
И гремит пугающе,

Душераздирающе
Музыка в толпе:
То поёт Милявская,
Полная и страстная
С потом на челе:
«Дайте секса мне!»
И старушка Лида с Бари
Пляшут в свадебно угаре —
Страсть не могут утолить:
«Ой, как страшно жить!»
Насмешили, ну и ну! —
Всю любимую страну.
Из дерьма болотного
Раздаётся писк:
То ли стон животного?
То ль похмельный свист?
Говорят: «Артист!»
И слащаво-кремово
Во хмельном дыму
Баритон Ефремова
«Веселит» толпу.
Доктор Рихтер, «знающий»:
То ли всех спасающий?
То ли всех пугающий
Палкою-клюкой?
(Всё же – кто такой?)
Вызывает дрожь —
На БОМЖа похож.
Ждёт вонзить «играючи»
Скальпель, словно нож.
Роботов засилие,
«Аватары» стильные,
Без мозгов, дебилы,
Прямо на ходу
«Стряпают» еду.
Из отходов – пончики,
Из дерьма – батончики;
Жизнь «висит на кончике»,
Затянув узду,
Съел «бурду» в стаканчике —
Неохота жить – не переварить.
«Мужики» тем временем,
Раз уже с «беременем»
Корпоральным «семенем»,
И спешат «родить»,
«Ой, как страшно жить!»
Если ваши «органы»
Вдруг судьбой отторгнуты,
Самозванцы «клятые»

Вам их «напечатают» —
На 3D зачатые —
Продадут «вживить»,
Ой, как страшно жить!
 Всякие двуногие,
 Sapiens-ы убогие,
 С толерантной внешностью
 Тешатся «известностью»:
Виллами богатыми,
Перстнями с каратами,
Дронами крылатыми,
Становясь приматами,
Прямо на глазах
Превращаясь в прах.
 И смолкает звонница,
 И томит бессонница,
 Часто – нездоровится,
 «Наползает» страх...
Вейтесь, ветры вольные,
Бейтесь, волны пенные,
Солнышко – свети!
 Люди сердобольные, люди откровенные,
 Счастьем озарённые,
 От любви рождённые,
 Мыслями достойные,
 Чувствами моральные —
 Вам добро «нести»!
Радости сакральные вам видны в пути?
Вы бы всю Вселенную
Чувствами нетленными
Нежно «оплести»,
От химер и нечисти
И от зла спасти!
 И не надо «вечности», —
 В мире и сердечности
 Проживём «своё»,
Больше б человечности
Привносить в жизнь!

Плач

К страстям больное сердце и не рвётся,
Бодрящий ветер дремлет в тишине,
На «мягких лапах» издали крадётся
Последний вечер при большой луне,
Земная жизнь – на дальнем рубеже,
В «анабиозе» я – так кажется уже...

Летя к другой, ещё живой душе,
Безродным плачем эхо отзовется
По мне усопшей, жившей на земле.
Отслужат тихо тризну херувимы,
Уйдёт вода в другие берега,
И дно реки, столь жаждою томимо,
Сотрут с земли «летающие» века.

Пленительная

Она в открытом экипаже легко скользит по мостовой,
И Петербургские пейзажи ей открывают облик свой.

Куда? Зачем? Или откуда? Что нежно думает о нём?
Иль ждёт божественного чуда,
Живя вчерашним тайным днём.

Она при шляпе, как в чепце, и свет, и тени на лице.
В душе таинственная даль, в глазах не скрытая печаль.
На вид строга, с причёской гладкой,
В чулочке строгая нога из юбок выглянет украдкой,

Касаясь смятого цветка.
Её таинственную стать нам не понять, не разгадать.

Она молчит. Грустит? Мечтает?
То взгляд задумчивый бросает в неясный питерский туман.
Мираж, виденье ускользает, и всё кругом опять обман.

Лишь аромат её витает в тумане зыбко и легко,
Скорей всего, предпочитает она флакон от «Рококо».

Её запястье украшает браслет изящный, дорогой,
И бархат ленты голубой игривый ветер развевает,
Слегка поднявшись над Невой.

Погладит муфточку рукой,
Что модна нынешней зимой,
И снова – царственный покой.

Перчатки шведские, тугие, застёжки – клипсы золотые
На ней, возможно, в первый раз.
Она весьма легко одета, с присущей долей этикета
И, словно дама полусвета, себя являет напоказ.

Скользит манящий взгляд царицы
Не в «фас», а «за» мужские лица.

И место в легком экипаже пока свободно есть одно.
Кому-то, может, суждено его занять недолго даже.

Но, может быть, на день, на два,
Чуть познакомившись едва.

Вот задержалась на момент, услышав тихий комплимент.
И взгляд прикрыл «печальный, томный
Ресниц пушистых веер тёмный».

А на Аничковом мосту опять взирает в пустоту,
Как бы ничто не замечая,
И в т о же время предлагая свою любовь и красоту.

Её мираж живёт в молве: в Париже, Питере, Москве.
Зовёт и манит взгляд прикрытый
То в Лес Булонский, тенью скрытый,
То в Летний Сад, дождём омытый,
Иль в Парк Царицынский, забытый.

Увековечили так тонко, и Блок в поэме «Незнакомка»,
И в «Неизвестной» сам Крамской
Ту, что с загадочной судьбой.

Её пленительность прекрасна.
Как туркестанская княжна, она загадочно нежна,
Сулит безумства ночи страстной, хоть недотрогой рождена.

Летит по миру слава громко
О той, что нам едва знакома.
Как это нам, её потомкам,
Всё старомодно и не ново.

Теперь наивно быть «не модной»,
«Загадкой», «тайной», «не свободной».
Все незнакомки в наши дни очарования полны.
Их взоры томны, не случайны, так откровенны, все без тайны.

Она Марина или Зина, а может, Галя или Эмма?
Есть не одна о них картина и не одна о них поэма.
Но с исторической судьбой, с такой «щемящей» красотой —
Вы не найдёте ни одной.

Дано немногим то понять,
Как мир сим образом пленять
И на века соблазнять.
Согласны с тем? Тогда отметьте:
Есть справедливость на планете!

Наталия Колотилина
Москва

Я листиком осенним

Под крышей небосвода
Идёт печали месса.
Слышны ветров аккорды
В конце сезонной пьесы.

Плывут по небу тучи.
Рвёт ветер. Моросит.
Наряд листвы от Гуччи
Под дождиком висит.

Я листиком осенним
Сорвался и кружусь.
Из этой карусели,
Жаль, в лето не вернусь.

А карусельщик Время,
Промозглый и смурной,
Вращает жизни бремя
Озябшею рукой.

К чаю

На «Чеховские вечера» в Истре.

Опять забежала прислуга,
Ворота дворник отворил.
И на крыльцо спешат супруги
Гостей приветить, кто прибыл.

Сегодня жарко. Марь над далью.
Колышет веером шитьё.
Все дамы в шляпках под вуалью
Щебечут что-то о своём.

Уже вкусив аперитива,
Всё громче слышен спор мужчин
С тем, кто не видит негатива

В паденьи акций без причин.

Вот, наконец, позвали к чаю.
«Поплыли» обществом на зов
Степенно, плавно, величаво.
(Из дома слышен бой часов).

Столы в саду уже накрыты.
Стоит густой манящий дух.
Варенье в вазочки налито.
Гоняет мальчик веткой мух.

Гудят три медных самовара,
Несёт кухарка пироги.
Девица тащит из подвала
С наливкой в каплях бутылки.

И чаепитье состоялось
Под женский смех, бокалов звон.
Из чаш веселие плескалось,
И до темна – гитары стон!

Я не пишу об ужасах войны

Стихи об ужасах войны
Писать я просто не могу:
Как «волки» грызли плоть страны,
К чужому рвались очагу.

Но иногда взрывает грудь
Боль, пережитая страной.
Военных лет прошедший путь!
Незримо связан он со мной.

Ну, что сказать про сволочей⁵,
Что жгли дома моих отцов?
Торчали трубы от печей
Печальным кладбищем домов.

Я не могу вам передать,
Как «мессер⁶» воя, сеял страх,
И в ужасе металась мать
Во ржи с младенцем на руках.

⁵ Сволочь – скверный, дрянной, негодяй, мерзавец (викисловарь)

⁶ Мессер – сокр. название (мессершмитт) истребителя фашистской Германии

Как о блокаде рассказать?
Как голодали столько дней,
Как город должен был стоять
Под градом бомб, в смертях людей?

Как эшелоны, будто скот,
Везли и пленных, и юнцов⁷
(В концлагеря и для работ),
Богатства храмов и дворцов.

Рвались фашисты оторвать
Союза⁸ лакомый кусок.
Но наш народ смог не отдать
Врагам и малый уголок!

Писать об ужасах войны...
Нет! Это – не моя стезя!
Но (в этом нет моей вины)
Забывать, что было – грех!
Нельзя!

Простите нас

Простите нас, ушедшие, живые,
Что многое понять нам не дано!
Непонятые наши, дорогие,
Почтенье Вам явить пора давно.

Прости меня, моя родная мама!
С тобою не шептался до утра.
Я знал, что ты ждала, что ты скучала.
Но я спешил: – Работа ждёт. Пора! —

Прости, отец, я мало был с тобою,
Не обсуждал те огненные дни,
Когда за Родину с другими встал стеною,
Сбежав на фронт, сынам полков сродни.

Досталось Вам, и молодым, и старым.
Вы вынесли бои и адский труд.
Вы из руин страну свою подняли,
Вы знали, что такое «соли пуд».

Наградами своими не кичились!

⁷ За время ВОВ в Германию фашисты вывезли из СССР только на работы до 5000000 человек.

⁸ Союз – СССР (Союз Советских Социалистических Республик)

Вы просто жили и растили нас.
Когда мы повзрослели, Вы мирились:
– Не едут дети. Заняты сейчас! —

Простите нас, что мы не замечали,
Как немощность, крадучась, подошла.
Смирено одиночество встречали
Без злости, без обиды. Жизнь прошла...

Непонятые наши дорогие!
Простите нас – мы так торопим жизнь!
Мы невнимательны, закрыты. Мы другие.
Но благодарны Вам за счастье – просто жить!

Флёр любви

О, этот флёр твоей любви!
Нет, это облако обмана
И лишь фантазии мои
В пылу любовного дурмана.

С ума схожу. Я, как в бреду,
Все мысли заняты тобою.
Бежать, бежать! Но, на беду
Сама себя в тебе закрою.

Вдыхая аромат любви,
Сгорать предчувствием предтечи,
И снова думаю вопреки
Считать мгновения до встречи.

Пусть восхитительный мираж
Меня толкает к краю бездны!
Но, этот флёр – такой кураж:
Тобою жить в дыму надежды!

Анатолий Коротков *Пушино*

Осенняя пора

Пришла пора любви осенней,
Пожухла рыжая трава,
А иней хрупкий, на растеньях,
Склоняет думать про дрова.

Про те дрова, что с шумным треском,
В камине весело горят,
И отблески огня, на фресках,
Картины чудные творят.

Уводят в даль, воспоминанья,
Фантазий разных хоровод,
Совсем недавние свиданья,
И шумный плеск кавказских вод.

Тепло живое от камина
Уют душевный создаёт,
Ласкает руки, ноги, спину,
И в сказку дивную зовёт.

Там радость есть и вдохновенье,
Любовь и ласки без границ,
Так хочется продлить мгновенье
Ещё... на несколько страниц.

17.03.2017 г. сан. «Валуево»

Архангельское

Это имя Архангельское —
воистину ангельское.
Оно освящает
усадьбу и храм,
Всё то, что в наследство
оставлено нам.
Здесь жили великие
люди России,
Отдавшие Родине
знанья и силы.
А шесть императоров

сильной Державы
В гостях побывали,
встречались во славу.
Как память потомкам
об их посещении
Колонны воздвигнуты
для просвещения.
Быть может, я тоже
потомок царей,
В усадьбе стремлюсь
побывать поскорей.
А если мой род
от придворной кухарки,
Хотя бы побыть
в замечательном парке.
Поэтому время пришло
попроситься,
В усадьбе пожить
и ещё подлечиться.
А место, хранимое
Войском Христовым,
Само по себе поддержать
нас готово.
Так будем его,
и любить и хранить,
Наследие предков
потомкам дарить!

29.03.2018 г.

Здоровье береги

Храни своё здоровье Человек!
Оно дано тебе, считай навек.
И если смолоду его ты сбережёшь,
То век в любви и счастье проживёшь.

А дети с гордостью продлят твой род,
И жизнь в веках не смеркнет, не замрёт.
Но если ты поддашься искушенью,
Немедля цикл пойдёт на завершение.

Откроет разные побочные заботы,
И отвлечёт от цели и работы.
Возникнут всякие болезни и невзгоды,
На них влиять будут любые непогоды.

Проси совет у ОРГАНОВ своих:

Как жизни интерес вернуть для них?
Нельзя давать «свободу» для одних,
Чтоб разрушать способности других.

Пусть Мозг твой, под влиянием Души,
Всё взвесит и немедленно решит:
Как поступить, чтоб выйти из беды,
Возможно с помощью лекарств или еды?

А может быть им нужен разный труд,
Чтобы от взятой цели не свернуть?
Есть мнение врачей и у народа,
Что этот путь вернёт тебе свободу.

ноябрь 2018 г.

Виктор Костров (Банофэ)

Москва

Подмосковье

Подмосковье, Подмосковье
Ярких красок старины
Низкорослые постройки
Церкви, дачи и мосты.

Детские годы, мечты и страдания
Первая любовь и расставание,
Вспыхнул огонек в душе молодой
снова лечу я на крыльях домой.

Тем, кто вдали от родного дома
Легкий ветерок напомнит снова
О чем шепчет клен березке своей
Лаская нежно её кроны ветвей.

Стук колес и поезд помчал
Радует сердце скоро вокзал
Я дома, встречай милый край
Сын твой приехал, скорей обнимай.

Подмосковье, Подмосковье
Ярких красок старины
Низкорослые постройки
Церкви, дачи и мосты.

21 ноября 2018 г.

Как вечно жить молодым

посвящаю Ирине Кирилловой

В жизни самое главное дело
Душа создает физическое тело.
В физическом теле воплощена душа
Она молода, красива и хороша

Физическое тело никогда не стареет
Просто из-за отсутствия силы не молодеет
Не ищи источника силы во вне
Источник силы всегда при тебе.

Источник энергии у тебя внутри
Подключись к нему и посмотри.
Циркулируй энергию в теле и душе
Эта тренировка поможет тебе

Осознание, это как духовное небо
Изменяет наше физическое тело
Чувствуй себя в возрасте 20 лет
И проживешь молодым сотню лет.

Меняйся во всем, меняйся всегда
И молодость останется с тобой навсегда.
Забудь про готовые практики и решения
Это выдумки людей и их мнения

Молодость требует непостоянства
Смены действия и пространства
Новые проекты, друзья, работа
Будь творцом, это твоя забота.

Создавай проект, делай другой,
Придумай третий и следи за собой.
Не придавай им большого значения
Главное радость от увлечения

Чтобы нежно природу любить
Надо силу внутри полюбить
Тайной поделись с другом своим.
Будешь вечно жить молодым

8 ноября 2018 года.

Ключи к изучению иностранного языка

Посвящая Дмитрию Юрьевичу Петрову – российскому полиглоту, синхронному переводчику, преподавателю, телеведущему-учителю реалити-шоу «Полиглот» на телеканале «Культура».

Любой язык народа, тайная дверь
В начале, ты хоть в это поверь
Проси и ангел тебе ключ подберет
Открой дверь, войди и вперед.

Там в пространстве языка ожидает мудрец
Полюби его, для тебя он отец.
Он встречает ученика на своем языке
Непонятными словами, но нежно к тебе.

В пространстве не поможет никакой блат
Запомни ученик простой постулат.
Для начала выучи хотя бы триста слов,
Грамматику в целом, это азы основ.

Далее научись говорить о любимом себе,
О работе, увлечении и о семье.
Даже используя пятьдесят частотных слов
Можешь приветствовать иностранных послов

А если в чужой стране ты без денег и еды,
Расскажи, как ты выберешься из этой беды.
Вдруг полюбил, как объяснится в словах,
Третий лишний не нужен в этих делах.

Любой язык имеет запах, мелодию, крутые слова
Пусть всё запомнит твоя голова
Другие закаты, рассвет и аромат цветов,
Рекламы, щебетание птиц и шелест ветров.

Пишите рассказы на любимые темы
Создавайте буклеты и красивые схемы.
Расслабьтесь в компании и пейте вино
Наслаждение в общении вам будет дано.

6 октября 2018 года.

Борис Красильников

Москва

Эскиз

В ажурном «кофе с молоком»
стояла, глаз не поднимая
и молния на платье том
казалась мне вратами Рая.

От счастья млел дверной проём,
в картину с ней преображаясь,
когда она застыла в нём,
его границ плечом касаясь.

И жаждал взгляд её поймать —
луч солнца зайчиком, играя
и змейкой извиваясь прядь,
сияла словно золотая.

Мне бы тело молодое

Мне бы тело молодое
И копну льняных волос —
Встретил взглядом взор девичий
И столбом к земле прирос.

Побежал бы я вдогонку,
Про миры ей нёс бы чушь,
Приголубил бы девчонку,
Как навек влюбленный муж.

Видно в сердце отболело...
С чувств застывших снят озноб.
От красы лица и тела —
Зацвести готов и столб

Ревность

Я боюсь, что к тебе прикоснётся
Кто-то просто по-свойски совсем,
Между делом тебе улыбнётся,

Между делом оставит ни с чем.

Всё возьмёт, словно должную плату,
За повадки, за свой экстерьер.
Про фату ты забудешь, ведь фату,
Так к лицу цепь из звеньев измен.

Я не смею писать эти строки —
Они болью вонзаются в лист,
Это нервы ко мне так жестоки,
Словно дико пронзительный свист.

Красавице

Природа словно хочет защититься,
От гнёта суррогатной красоты,
Когда порою создаёт такие лица,
Что осквернением на них – мазок сурьмы.

Поэтом названная страшной силой,
Берущая в полон рассудки и сердца —
В плоть облачённая, возводится счастливой,
На пьедестал в душе влюблённого творца

Куда ушла былая красота

Куда ушла былая красота?
Она теперь мне так необходима:
Я внешне – плоть осеннего листа,
Душа цветёт, но тайно и незримо.

И как внушить любимой: ты хорош,
И оставаться скромным и правдивым?
Здесь нужен ум, а где его найдёшь,
Когда он весь исчез под взглядом милым.

Я боюсь, что совсем некрасив

Я боюсь, что совсем некрасив,
Я боюсь, что совсем неразумен,
Я боюсь, что наверно? спесив,
Я боюсь, что не создан для буден.

Но боязни свои растопчу —
Уничтожу клубок их гадючий,
Только Ты бы прижалась к плечу,
Словно молвив: себя ты не мучай.

Письмо

Мне страшен стал мистический обман,
Не нужен Ангел, Ты нужна – живая,
Чтоб, чувств святую влагу проливая,
Боль унесла с моих душевных ран.

В любой момент мой друг, в любой момент и час
Старуха скверная с зазубренной косою,
Из досок сбив постель, укрыв землёй сырою
Любого может унести из нас.

Пред этим меркнет суета вокруг,
Ничтожной кажется борьба за тленность блага,
И ум, словно иная драга,
Два ценных слова вымывает вдруг.

Любовь и Труд – слова ясны, понятны,
Избиты всеми с самых юных лет,
А были ли они, что прозвучит в ответ,
А дни текут – часы их невозвратны

И неизвестно, сколько до конца:
Кому-то много дней, кому-то – мало
С того прекрасного и светлого начала,
Когда младенцем на руках творца
Сказать не в силах были слово: «Мама».

Зачем же я, так долго пел и пил
В округе, где души вмиг вянут всходы,
И смерти преждевременные роды
Блевотою доносят смрад могил?

Зачем же я, собрав в весомый ком
Всю грязь, что мне терзала душу,
Не зная, создаю ли этим счастье или рушу,
Швырнул его в твой светлый, чистый дом?

Зачем, зачем – лишь в слабости ответ,
Она как глупость – сеятель ошибок,
Которые клянут все без улыбок,
Но вновь и вновь рождают их на свет.

Можно ливнем разрыдаться

Можно ливнем разрыдаться,
Вспомнив тех, кого уж нет.
С чередой бед-дегустаций
Мил не станет белый свет.

С головой уйду в кручину,
От вины на сердце гнёт,
Захлебнусь в слезах и сгину —
Скорбь трясиной засосёт.

И берёзкой стан девичий
Не склонится надо мной
И не выдернет из плена,
Нежной, ласковой рукой.

Оттого тропой Орфея,
Не иду спиной вперёд —
Прошлым боле не боля —
В никуда оно ведёт.

У могилы С. Есенина

Рождение и смерть —
две даты с промежутком.
Надгробный мрамор плит —
с покоем в мире жутком.
И больше нет скитаний,
страданий прерван рок...
Признанием слаганий —
ложится
мой
цветок.

Виктор Кроль

Москва

Земля и люди

Безвременье, часы пробили полночь.
На небе из-за туч взошла луна.
На озере одновременно, точь-в-точь,
О берег плеснулась одинокая волна.

Земля продолжила извечное вращенье,
Не замечая жизнь своих людей.
Она сама есть высшее творенье,
Ей дела не было и нет до их идей.

А зря, прислушайся, планета,
Не так уж безмятежен этот путь.
Была же страшная огромная комета,
Что Атлантиду опустила вглубь.

Прошли тысячелетия с тех пор,
Лишь в эпосах запомнились страдания.
Земле та встреча вовсе не в укор,
Но могут быть другие испытанья.

Твои сыны дерутся много лет
За золото, за женщин, нефть и воду.
Безумцы, жаждущие бед,
Способны погубить природу.

Создатель мира, посмотри на нас,
Брат снова убивает брата.
Твой сын людей однажды спас
Своим распятием от ада!

Земля, ведь ты сама же мать,
Не дай столкнуть себя, обидеть.
Тебе Россия будет помогать,
Мир и любовь хотим увидеть!

28 февраля 2016 г.

И души снова обретут покой...

Зима. Мороз. Пурга и лёд.

Метели с севера вернулись.
Природа знает жизни ход,
И люди в ней не обманулись.

Вот ложь, как патока течёт,
В ней все безумцы захлебнулись.
Двоим же нужен горный мёд,
Чтоб раны сердца затянулись.

Найти его нелёгкий труд,
И очень непростое испытанье.
Ведь пчёлы жалить вмиг начнут,
Но вам то нужно облегчить страданье.

К местам намоленным пойти,
Святой воды набрать, умыться.
Потоки скверны перейти,
И снова жизнью насладиться.

Услышав колокольный звон,
На купола перекреститься.
И при свечах прочесть псалом,
В любви и вере укрепиться.

Закончив суматоху дел,
Пройти обряды очищенья.
Смирить гордыню, если смел,
И друг у друга попросить прощенья.

В Сочельник поддержать детей,
К родителям успеть с поклоном,
И не забыть своих друзей
Поздравить с Рождеством Христовым!

А в праздник, от звезды и до воды,
Как в детстве, вспомнить про колядки:
Побольше песен, танцев, доброты
И впечатлений радостных на святки.

В Крещение, не боясь мороза,
Три раза окунитесь с головой.
И выйдет боль из сердца, как заноза,
И души снова обретут покой.

7 января 2018 г.

Дорога в мирозданье

В чём бесконечность жизни нашей,
Её движенья вечный круг?
И есть ли в мире что-то краше,
Чем в Пасху благодать вокруг?

Вопрос вопросов без сомненья
Был задан вовсе неспроста.
Ведь не напрасны все мученья
К Голгофе шедшего Христа.

Сын Божий пострадал за всех
И ради нашего спасения.
Он победил и смерть, и грех.
Основа веры – Воскресение!

Господь спустился к нам с небес,
Стал человеком, претерпев страданья.
Из мёртвых он воистину воскрес,
И показал дорогу в мирозданье.

Ритм жизни стал быстрее – суета,
И в церковь ходим только на Крещение.
А вспоминаем, когда в дом пришла беда:
– Прости нас, Господи, за наши прегрешенья!

Тогда на исповедь, причастие идём,
К иконам многократно приложиться.
Целуя крест, мы истину поймём,
Что в святой вере надо укрепиться.

Благими помыслами многие полны,
Но кто-то думает, он точно ближе к Богу.
Все люди для Спасителя равны:
Им суждено пройти одну дорогу.

11 июня 2018 г.

Мария Линдина **Москва**

Пришла и говорю

*Одиночество, как состояние души,
Не поддаётся лечению.*

Фаина Раневская

«Не нашла такого друга,
По росту был бы мне подстать,
Чтоб влюбилась до испуга,
И в ЗАГС желание побежать.
Видать судьба одинокой
Всю жизнь свою прокоротать.
Взгляд игривый, кареокий
Мог от меня их отбивать.
Без ума любила кошку
И одиночество своё.
Любила бусы я и брошку,
Театров сцены и кино.
Шутить, острить, мой юмор – смех,
Кредо и нрав моей души.
Я веселила лучше всех,
И на меня все люди шли.
Я словно птицею порхала,
Летать любила в города.
Аншлаг там я собирала,
И публика была горда.
Я прошу вас, не ищите,
Другой такой актрисы нет.
Зрители, талант цените,
Храните память много лет».

10.09.2015

Балерина от бога

М.М. Плисецкой

Как порхали на сцене,
Словно лебедь в пруду.
Красивее лебёдки
В жизни я не найду.
И красивая внешне,

И прекрасна душой.
Разве можно быть в жизни
Гармоничной такой?
Ваши танцы волшебны —
Лебедь гордый в пруду.
Рук фаланги подвижны,
Лебедь весь наяву.
Словно вихрем взметнётся
Вдруг на сцену она.
Сколько б ни было лет ей,
В танце снова юна.
Вы гибка и пластична,
Словно плывёте в воде.
Танцевали отлично,
Несравненна везде.
Вместе с мужем создали
Музыкальный тандем.
Как бриллианты блистали,
Ничего нет взамен.
Вы поразили весь мир,
Станцевали Кармен.
И многим стал кумир
И моделью Карден.
Вы актёр по призванию
И снимались в кино,
Да писателем стали —
Это тоже дано.
Девяносто – не мало
Вами прожитых лет.
Создавались шедевры
Для людей других век.
Прах развеян над страной,
Тоска по Вас не небыль.
Народ помнит живой,
Взгляд кину я в небо.

25.10.2015

Посвящение Л. А. Пахмутовой

Мы слышим песни много лет.
Другого кумира просто нет.
Жить пожелаем долго ей,
И песня будет ещё звончей.
Известно, созданы на века
Для любящего песни певца.
Ваш милый творческий тандем
И души красивей нет, мадлен.

Вы словно птах наш любимый
Несравненны, неповторимы.
У вас в запасе песен ворох.
Говорят, мал золотник, да дорог.
Вам подвластен судьбою рояль.
Над ним вьётся ваше кружево.
И невеста одела вуаль.
Танцевать под музыку дружно.
Руками умело ласкали
Чёрные, белые клавиши.
Нежной мелодию создали,
И неслась в небосвод от души.
То в минорном, мажорном тоне
Лилась музыка в души людей.
И словно в рай уносит, с ней тонешь,
Верим в композицию идей.
Счастлива Родина, весь народ.
Радуете нас, наши сердца.
Пусть хрупкий композитор живёт
Долго и песням не знать конца.

20.12.2014

Бессонница

Неожиданная бессонница,
Уйди от меня прочь,
Покинь и не бодри меня,
Чтоб я уснула в ночь.

И боль и горе каждого
Идут через тебя,
Ты пожалей, бессонница,
Немножечко меня.

Зачем пришла бессонница,
К худу или добру?
Когда мне спать не хочется,
Тогда стихи пишу.

Я знаю, что бессонницей
За прошлое плачу,
А мыслей тьма и ссорятся,
Что вспомнить я хочу?

И ты со всеми дразнишься,
Сама в ночи не спишь,
Упрямая проказница,

Ты по ночам шалишь.

Прошу, уйди, бессонница,
Забыть тебя хочу,
А не то в пруду глубоком
Тебя я утоплю.

28.11.2006

Юрий Любушкин
Николаевск-на-Амуре

Быть у горя в неволе – доколе?...
Круговерть

(Струны души)

*Порой от безысходности плакала душа Великого Барда и Артиста... А
над Москвой шли непрерывные серые дожди и уныло зябли липы на Арбате...
И было зябко и одиноко и душе Мастера, и нежным красавцам-деревьям.
Наверное, так и было в эти холодные, непроглядные ночи...*

1.

В круговерти лет и буден
Льётся горькое вино.
«Не-под-су-ден... Не-под-су-ден...» —
Дождь стучит в твоё окно.
На Арбате мокнут липы,
Окуджава приболел...
И звучит твой голос хрипло:
Не успею... Не успел...
Зарастает сердце тиной,
Не горит душа огнём.
Тени лягут ночью длинной,
И в чаду стыда уснём.
Много жвачки нам впихали
В душу, сердце и в умы.
Беспощадно пропахали —
От сумы и от тюрьмы.
Ой, неужто снова снится —
Черти пляшут у костра.
Что ж, пойти к ним, покориться?...
Веселиться до утра?...
Дело близится к развязке,
Бесы правят карнавал.
Кто-то жуткий, в страшной маске,
Вдруг взошёл на пьедестал.
Что случилось, мать честная?!
Как профукали страну?...
Как единая, родная
Покатилась вдруг ко дну?

Дом скривился кривобоко,
И постыло всё окрест.
Словно путник одинокий,
Ты спешишь из гиблых мест.

2.

...Дождь скребётся спозаранку,
Стынут липы за окном.
И с душою наизнанку
Ты забылся тяжким сном.
Вдоль бульвара зреют тени
Мрачным знаком ворожбы.
Кто ж возьмётся и отменит
Злые помыслы судьбы?
Не берусь и я, поверьте:
Не сумею, не смогу...
В окаянной круговерти
Я боюсь, что не дойду.
Не дойду до той отметки,
Где все страхи – ерунда
И где ужас в тесной клетке,
Ждёт скорейшего суда.
Беспробудно, беспробудно
Дождь гуляет над Москвой
Как же глупо и как нудно
Коротать всю ночь с тоской!..
На Арбате зябнут липы,
Окуджава сильно сдал.
Лишь звучит твой голос хрипло
Про начало из начал.
Про начало из начал...

Печальные мысли
(Горе – горькое)

Посвящается В.С. Высоцкому

В дом крадётся горе,

Вслед за ним – неволя.
Горюшко, ты горе,
Знать – лихая доля!
Горюшко, ты горе,
Ты меня доколе
В злом извечном споре

Отдаёшь неволе?...
Затаилось горе
Посредине поля.
В голубом просторе
Ждёт её неволя.
Истомилось горе,
Поплелось по полю,
И на косогоре
Обрело неволю.
Мыкается горе
— Злое по неволе —
На чужом заборе
И твердит — **Доколе?!..**
Горюшко, ты горе,
С Вами я не спорю,
Съев два пуда соли.
В зной на косогоре...
Вы бегу я в поле,
Где кукует горе,
В кандалах, в неволе,
Сидя на заборе.
И спрошу у горя. —
И **оно**, не споря,
Поклонится полю...
Полю широкому...
Небу чистому...
Месяцу ясному...
Звёздочке далёкой...
Поклонится в пояс
Горюшко-горькое,
Горькое-прегорькое,
Горше не бывает...
Аминь...

Звёздный караван **(Минуя лихолетья)**

80-летию В.С. Высоцкого посвящается...

Сияет луна в поднебесье,
Я с ней, словно в сказочной песне,
Плыву в даль к незримым мирам,
Где всё лишь подвластно Богам.
О Боги, Атланты, Титаны, —
Всё в Вашей судьбе без изъяна!
В моей — лишь одни лихолетья
Терзают извилистой плетью.

А Счастье настолько беспечно,
Оно в этом мире не вечно.
О где же, о где же Жар – Птица?!
Обман или сон – небылица?
А в жизни сплошные ухабы
И маются «лишь бы...», да «абы...».
И беды, коснувшись крылом,
Пытают Судьбу на излом...
Я горе годами измеряю,
Но верую... Верую... Верю,
Что минут меня лихолетья,
Что им не вкусить долголетия!
Всё будет, как в сказочной песне,
Я снова взлечу в поднебесье.
Душой припаду к тем мирам,
Где всё лишь подвластно Богам...
Вновь звёздным плыву караваном,
Где всё без малейших изъянов.
И места здесь нет лихолетьям,
Что хлещут извилистой плетью.
Со мной, как и в сказке, Жар-Птица
И это мне вовсе не снится.
И Счастье прибудет навечно,
Так будет, так будет, конечно!..
Вновь счастье прибудет навечно!..

P.S. Создавая свои литературно- музыкальные шедевры, взлетая над мирской суетой, Он, Великий Мастер, мог на равных разговаривать с Богами у них на Олимпе. И не сомневаюсь, что и у них Он был кумиром. Ещё бы... Только одна единственная строчка из самой, пожалуй, знаменной песни чего стоит: «В гости к Богу не бывает опозданий...» А то, что на Матушке-Земле при жизни Мастера не издали ни одной Его книги и запрещали Ему роли в кино и в Его родной театральной Гавани на Таганке, – всё это было мелко и гадко, подло и лицемерно. Одним словом, всё это было лишь банальной лютной завистью никчёмных подленьких людишек. Ведь им, «творцам» лихолетий и всех Его бед, было не под силу одолеть многомиллионную Любовь и Преданность к Нему всего на-рода на одной шестой части земной тверди. Никогда и никому...

Автор.

25 января – 10 февраля 2018 г. г. Николаевск-на-Амуре, Восточное Поморье, Россия.

Живём в России (Храни Вас Бог!)

Им многое было понятно без лишних слов. Они понимали друг друга с полуслова. Им было многое дано как сильным, великим личностям под сенью настоящей мужской дружбы – Владимиру Высоцкому и Вадиму

Туманову. Господь Бог хранил их дружбу... И глядя в бескрайнюю синеву таёжных сибирских просторов и в бездонный океан родного российского неба, где проплывали бесконечными караванами белоснежные облака, их великие души соприкасались с вечностью. А по другому и быть не могло. Сама судьба предначертала их друг для друга. С ними говорила, благословляя их на грандиозные дела, душа самой России. Необъятная, как это небо.

Храни Вас Бог, сограждане мои,
От доли злой и от нелепой смерти.
Но, право, не прожить в России без любви,
Богатство, слава в ней бессмысленны, поверьте!..
Бессмысленны, ведь мы живём в России,
И Родина моя несёт свой тяжкий крест.
Что проходимцы Ей и всякие миссии?
Богатство всё в красе Её невест!
В ней часто смерть гуляет с радостью в обнимку,
Гнилые зубы скаля на показ.
И злая воля, обнажая лихо финку,
В сей миг исполнит дьявольский наказ.
Россия, Русь, лишь ты одна такая:
Несёшь печаль и удаль пополам,
Здесь крик души, вслед журавлиной стае,
Взлетает в небо, к белым облакам!
И на земле нет уголка красивей,
Поверьте мне, сограждане мои!
За далью даль, по всей моей России
Поют в её просторах соловьи...
Нет – не прожить в России без любви,
Богатство, слава в ней бессмысленны, поверьте!
Храни Вас Бог, сограждане мои,
От доли злой и от нелепой смерти.
Пусть злая воля, взяв меня в обнимку,
Корабль жизни выбросит на мель.
В краю таёжном, обласкав заимку,
Луч солнца уронил капель в апрель...
Здесь по весне опять звенит капель...

Терзание души

*Посвящается песне В.С. Высоцкого «Кони привередливые». Эта песня – бесспорно – планетарного библейского смысла и масштаба...
(Автор)*

1.

Попадание в Святцы,
Бог велел – «Напиши!..»
Вам поведаю братцы
Про терзанье души.
Понесли меня кони
По России моей,
Но тоска вновь догонит,
Чтоб ударить больней.
Столько песен не спето,
Тесен замкнутый круг!
И... вопрос без ответа
В вихре яростных выюг.
Я обязан был много
Написать, рассказать.
Всё, что велено Богом,
Без остатка отдать.
Без меня одолейте
Морок сумрачных дней.
Пред бедой не робейте,
Запрягайте коней!
Беды грозные с виду
Отойдут в никуда.
«Не таите обиду...» —
Вам подскажет звезда.
Выбирая дорогу
К светлым далям судьбы,
Оставляйте тревогу
Для худой ворожбы...

2.

И летят вороны,
Нипочём буерак.
Выносите, родные,
Поскорей на большак!
Где кабак для раздолья
Забубённой души,
Где тоску вместе с болью
Утопить поспеши...
Утопи в белом, красном
И янтарном вине.
Лишь не майся напрасно
В зыбком гадостном сне.
Не забудь... Вороны
Ждут тебя у дверей.
Что ж, судьба им отныне
Мчать тебя поскорей.

Мчи, гони по дороге,
Так, чтоб ветер хлестал.
Счастье выдай немногим,
Кто тебя не застал.
Ну а если их много,
Ты души не жалея.
Крикни с удалью «Трогай!...»
Тройке верных коней.
«Кони...» вынесут к счастью,
Не догнать никому.
Только ты своей властью
Им взнуздаешь узду.
Вознесут тебя «Кони...»
Напрямик к небесам.
Лишь душа в муках стонет:
«Аз воздам!.. Аз воздам!...»
И Россия заплачет,
Загорюет страна —
Это многое значит,
*Когда рвётся струна.
Оборвалась... Струна...*

P. S.

*Ах зачем же Вы, кони,
В даль несёте меня?!
Ведь печаль не утонет,
Гложет день ото дня.*

*Что ж,
великим мог стать я,
Бог велел – «Напиши!...»
Только тесно мне, братья,
На просторах души...
И страдает, и плачет,*

*И горюет страна,
Ты нам всем обозначил,
Когда рвётся струна...
Оборвалась... Струна...*

*25–28 июля 2018 г. Николаевск-на-Амуре, Восточное Поморье,
Россия.*

*Примечание: Обратите, пожалуйста, внимание, мои уважаемые
читатели, на такой момент... Здесь «Высоцкий» начинает говорить от
первого лица. От себя... По ходу изложения разговор плавно переходит от*

*имени третьего лица. Да простит меня Владимир Семёнович, если сможет!
Мне так писалось... С низким поклоном – автор.*

*P.S. 2018-й год, год 80-летия Великого Мастера, был объявлен моей
душой и моим сердцем Годом Звезды по имени Владимир Семёнович Высоцкий.
Да будет так отныне, присно и во веки веков. Аминь!..
Газета «Дальневосточный Пограничник» № 30 от 26 июля 2002 г.*

Макарыч

Мы лишь дуба отростки и ему
не под стать.
На Катунь, где Сростки, снизойдёт
благодать.
Дал нам волю святую широтой
всей души.
Дал... Да только вслепую жизнь
изменяли во лжи.
Пообмякли и телом, и сердца
на замок:
В суете оголтелой «тырим» всё
под шумок.
Крестим лбы пред иконой,
а самим невдомёк.
Что не слышим уж стонов тех,
кто кровью истёк...
И не тронут нас слёзы и
чужая беда,
Не хмельны, не тверёзы
и в душе маета.
Как у дуба отростки, но ему
не под стать.
Катунь, где Сростки, на рассвет
н встречать.
...Да нам волю земную широтой
всей души,
Но мы землю родную растоптали
во лжи.
Что ж, порою осеннею Вам,
Макарыч, «на взлёт».
Хор из зеков Есенина
в Вашу честь н споёт.
В Вашу честь не споёт...

Восхождение... (Председатель Егорий)

Посвящается с низким поклоном М.А. Ульянову, Народному артисту СССР, за его бессмертную роль к кинофильму «Председатель».
Автор

Помните, тот эмоциональный взрыв (иного слова не подберу) – а по ходу фильма их было великое множество, – когда Егор Трубников говорит своим землякам после переизбрания его председателем колхоза: «Ах, Вы, так!.. Ах, так...» И, утирая слёзы на лице поношенной кепчонкой, бросает в зал: «Ну, тогда вперёд! До полной победы Коммунизма!» Потрясающая сцена! Мурашки по телу...

1.

Кровь струится в стране по руинам,
Горе дышит из окон квартир.
А в деревне ни мужа, ни сына,
Лишь безрукий пришёл командир.
С батальоном вставая без страха,
Вдрызг фашистскую нечисть громил.
А сейчас он восходит на плаху
В гимнастёрке, затёртой до дыр...
Знамо дело, как бабы с конягой
В лихолетье кормили страну.
Деревенская правда, сермяга,
Лихо бьёт, когда всё на кону.
Только после такого отлупа
Отступает нужда и беда.
И спадают оковы и путы
На чуть-чуть, да и то не всегда.
Но черняшкой не вдоволь, от пуза,
Всё ж таки накормили страну.
Сбили спесь и с бубнового туза,
В «мессершмитте» прибав сатану...
Деревенский дедуля свирелью
Всех коров проводил на луга.
И худобы навстречу апрелю,
Одурев, протянули рога.
Председатель – весомое слово,
И все беды и слава его.
Урожай, да и просто корова, —
Всё на шее его одного.
...Без руки был двужильный Егорий,
Ни себя, ни людей не щадил.

А деревня, очнувшись от горя,
Поняла: только ею он жил...
И поверила в правое дело,
И пошла с ним на праведный бой.
В счастье верить деревня хотела,
Пусть пока с допотопной сохой.

2.

...Что до счастья – его по шаблону
Не создашь и не слепишь за миг.
А к деревне Егорий с поклоном:
Свой, родной и простецкий мужик.
Если врежет, так врежет⁹ по делу,
Всем хапугам из ловких проныр.
И по жизни шагает он смело.
Председатель. Егор – командир.
Понимает – друзья фронтовые
Поступили бы точно же так.
А хмыри и чинуши блатные
Только множат вселенский бардак.
Надо бить их свирепо, с отяжкой¹⁰,
Не жалея раскормленных рож.
А иначе прихлопнут бумажкой,
Что страшней, чем наточенный нож.
Ведь бумажка, подшитая в дело,
Не оценит великий почин.
Светлой жизни деревня хотела
Среди рощ и родимых долин...
Что до дела... Егорий отныне
Защитит деревеньку свою.
И душа у него не остынет —
Здесь все корни его на корню.
И защиты не будет надёжней —
Доказательства фронт и война.
Этой истине быть непреложной,
Сам Егорий докажет сполна...
И по жизни шагая отважно,
Как на фронте, солдатам в пример,
На себя принимает бесстрашно
Все укусы злодейских химер...

⁹ Понимать слова «врежет» и «бить» надо, конечно же, иносказательно. Как моральный, словесный, аргумент, помноженный на авторитет бесстрашного героя – фронтовика. Резать правду-матку, невзирая на лица и должности, без боязни «ах как бы чего не вышло»...

¹⁰ Понимать слова «врежет» и «бить» надо, конечно же, иносказательно. Как моральный, словесный, аргумент, помноженный на авторитет бесстрашного героя – фронтовика. Резать правду-матку, невзирая на лица и должности, без боязни «ах как бы чего не вышло»...

Как – то раз, безо всякой бравადы
Он на праздник одел ордена.
Как в деревне все были им рады!
Но кому и война – мать родна...

3.

И завистники, гадкое племя,
Ткни в любого – отпетый подлец.
Вознамерились – Самое время! —
Всё порушить и делу конец.
Ну, держись председатель Егорий!
Видишь, тень навели на плетень.
Срочно, скопом, собрали с подворий
Всех колхозников в жаркий цветень.
Наплевать, что страда полевая,
И что тут каждый час на счету...
А ловкач, без умолку болтая,
Подводил всем сказаньям черту.
Но угрюмо молчало собрание,
Понимая, вверх кривда берёт.
Недовольство, глухое роптанье,
Ещё миг и... всех в клочья порвёт...
Партократчик с убогим умишком
Сеял смуту, чтоб пользу извлечь.
Плутовские дела и делишки
Лишь посулами могут увлечь.
Но у подлости мерзкая слава:
Оболгать все большие дела.
Лиходеям поддакивать – «Браво!»
И вопить – «Ну, чья сила взяла?!».
Загудело, как улей, собрание:
«Без Егория всем нам капут!..»
Правда что? Сокрушит испытание,
Что подсунул злокозненный плут.
...По Егору ли праздновать тризну?
Он, ладонью закрывши лицо,
Вдруг воскликнул. – Вперёд, к Коммунизму!
Кто со мною, айда на крыльцо!
Мужика он считал своим братом,
Но в страду никого не щадил.
Сердце билось, стучало набатом. —
Лишь вперёд! Лишь хватило бы сил!

4.

И безмолвно вставала колонна.
Коммунизм – он не всем по плечу.
Но нет крепче людского заслона,
Как нет хода хапуге – рвачу...
И с брательником он на кулачках,
Ведь Иван был большой скопидом.
Палки ставит в колеса, с подначкой,
Не пуская в родительский дом.
Но Егорий сломает хребтину
Тем, кто дело святое поправ,
Запретил вдруг и кровному сыну
Быть в колхозе на равных правах.
...Мужики становились в колонну,
Будто снова идти на войну.
А старухи им били поклоны:
«Защите, спасите страну!..»
Их бабуся вслед долго крестили,
Чтобы всех миновала беда.
И напутствуя, всё им твердили:
«Без Егория, нам, никуда...»
Никуда без Егоровой воли.
Справедлив он и что тут сказать?...
Да и жить в нищете им доколе,
Скольким бедам ещё потакать?...
Минул год... И дедуля свирелью
Стадо вывел пастись на луга.
И бурёнки, прощаясь с апрелем,
Замычав, в май вонзили рога.
...Батальоны бросая в атаку,
Ни солдат, ни себя не щадил.
Смерть отринув, восходит на плаху
Председатель, Егор – командир.
И прослыл он калачиком тёртым,
И грозой для хапуг и проныр.
Неизменно в своей гимнастёрке,
Пропотевшей, затёртой до дыр...
Кровь засохла в стране по руинам,
И могил безымянных не счесть.
И гордиться земля своим сыном,
Быть тому – по заслугам и честь!..

*20 июля 2018 г. Николаевск-на-Амуре, Восточное Поморье,
Россия.*

У моих ног в это время примостился, сладко посапывая, английский бульдог AVD 5150 Дальвос Алкасар Бандерос Лав Мэй Буржи. Или просто, по-домашнему, Петруша-Шапито.

Деревеньки России (Репортаж из глубинки)

Русской деревеньке с земным поклоном посвящается...

Деревеньки России в помине
У Святых навсегда на устах.
Так и полк, что в засаде поныне,
Воеводой припрятан в лесах.
И коняга, по прозвищу конник,
Символ русской деревни моей.
И Святой преподобный канонник —
Добрый знак из обугленных дней.
Страстотерпцы российской глубинки
Караваем вскормили страну.
Пьют квасок из прадедовской кринки,
Все печали пуская ко дну.
И с усмешкой, таящей презренье,
Новый барин их кличет «совком».
И, со смаком вкусив разговенье,
Всех считает рабочим скотом.
Почитает он всех нас за быдло,
Не стыдясь быть крутым подлецом.
Унижение такое обрыдло:
Вилы в бок им и дело с концом.
Деревенский Ивашка с конягой
На горбу протащили наш век.
И блестела медаль «За отвагу»
На груди у безногих калек...
Деревеньки России в помине
У Святых на устах в небесах.
Впрочем, полк наш, засадный, отныне
Мы надёжно припрячем в лесах.
Пригодится... Врагов ещё много
Притаилось по тёмным углам.
Подождём. И, дождавшись подмоги¹¹,
Грянем грозно: «Держись... „Аз воздам!“»

¹¹ «Подмога» в данном случае — это, конечно же, Божье Провиденье. Божья помощь. Только так, а не иначе.

P. S.

*Ночь. Луна. В поле след от телеги.
И блестит от луны колея.
Евтушенко стихи
«Идут белые снега...»
В них вся суть,
вся Россия моя...
Колея вдоль святого погоста.
Лунный свет заливает окрест.
Жить в российской глубинке непросто.
Вам...
Тебе...
Вот мой – «Истинный крест!..»*

*18 июля 2018 г. Николаевск-на-Амуре, Восточное Поморье,
Россия.*

**К вам, Макарыч, с поклоном Россия
(Печки-лавочки рядового Лопахина)**

*А есаул догадлив был.
Он сумел сон мой разгадать:
«Ох, не сносить. – он говорил. —
Твоей буйной головы...»*

Народная песня

Вам «Печки-лавочки», Макарыч,
Почти что пройденный этап...
Грозит всем Разин смертной карой,
Ведь прёт лавиной супостат.
Приди в себя, очнись, Макарыч,
Не разбивай нам сердце вдрызг.
Лопахин твой в смертельной сваре
Из Дона раков не догрыз.
Вновь бухнул в Дон снаряд немецкий,
Неужто отдыху конец?
И быт в пехоте неважнецкий,
Но хват Лопахин молодец!
Добыты соль, ведро и спички,
День суматошный наступал.
Лопахин вёл себя прилично

И угощение предвкушал¹².
Ладонь привычно к изголовью:
Кто там на стругах вдалеке?
Путь Разин держит к Лукоморью
С ватагой дерзкой по реке.
И лупит ганс по юрким стругам,
Чтоб вспять историю вернуть.
Лопахин с Сашкой, своим другом¹³
Решили Стеньке подмогнуть.
Попав в лихую передрагу,
Наш атаман не оробел. —
«Седлай коня! Давай конягу!
Тикай, фашист, покуда цел!..
Башку Адольфу мы отрубим,
Чтоб никогда дышать не смел.
Другие пусть себе зарубят:
На беспредел есть беспредел!
Крутой замес война задала,
И беды все не сосчитать.
Не раз страна с колен вставала,
Чтоб лютый враг понёсся вспять.
Давай, друзья, скорей на струги,
Сничтожим лихоедеев рать!
Лопахин, Сашка, ну же, други,
Вам полно горе – горевать!»
И подхватила дружно рота,
Воспрянул духом батальон.
В атаку ринулась пехота,
Для фрицев всё, как жуткий сон.
Сказал Лопахин: «Сашка, диво —
Фриц припустил во весь опор.
Ну, что сидишь?! Ведь некрасиво,
Когда такой здесь разговор...
Поддержим Разина Степана
Огнём, гранатой и штыком.
Мужик он свойский, без изъяна,
Прослыл отважным казаком».
Штыки примкнули и в атаку...
«Вперёд!..» — им Лапиков кричал¹⁴.
Пусть старшина, но сам, однако,
Бойцов в атаку подымал.
Ведро в костёр... Шипели раки,
Недоварившись, рвутся в бой.
Пусть печки-лавочки,

¹² Это всё кадры из кинофильма «Они сражались за Родину» Сергея Бондарчука (последняя роль В.М. Шукшина – рядовой Пётр Лопахин) по одноимённому роману М.А. Шолохова.

¹³ Прим.: Сашка – персонаж второго номера ПТР, помощника Петра Лопахина, в исполнении Георгия Буркова.

¹⁴ Прим.: Иван Лапиков, Народный артист СССР, исполнивший в кинофильме роль старшины роты.

но всякий
Сражался здесь за дом родной...
Врывался штык трёхгранный в тело,¹⁵
Кричали фрицы:
 «Нам конец!»
Сегодня смерть всех одолела,
Ведь пуля – дура, штык – молодец!
Был бой коротким, но кровавым.
Всю степь усеяли враги...
Здесь Разин был бойцом по праву,
Кричал: «Лопехин, помоги!
С тобою вместе, брат Петруша,
Родную землю отобьём!
И в небе, на море, на суше
Фашистам шею мы свернём!...»
Давай огня, наш друг Лопехин,
Круши врага, родной солдат!
А Разин... сам взойдёт на плаху,
Ему палач – и кум, и сват...
Но рвётся там всегда, где тонко,
День на заре – всему венец.
Пропела пуля песню звонко,
Ей путь шальной в один конец.
***И стекала кровь по капле
На траву, как алый мак.
И блестит на солнце сабля,
Как войны Великой знак...¹⁶***
Пропал Степан, исчезли струги
Лишь гладь на заводи реки.
Твои последние потуги:
Война, Лопехин, мужики...
«Калина красная» тревожит
Уж столько лет поди не зря.
А сердце... Лишь оно не сможет
Ворваться в день,
 Весну даря.
Не уходи от нас, Макарыч,
Не разбивай сердца нам вдрызг.
Чтоб, ты, судьбе в смертельной сваре
Вновь пуповину перегрыз!..
Всё печки-лавочки, Макарыч,
Да будет так, товарищ мой.
Как я хочу с тобой на пару,
Пройти с любовью путь земной.
Твои любимые девчонки,

¹⁵ Штык у трёхлинейки, конечно же, четырёхгранный. Изменено мною умышленно для создания рифмы.

¹⁶ Недаром на ордене Отечественной войны изображены перекрещенные трёхлинейка (винтовка) со штыком и кавалерийский клинок (сабля).

Во всём кровиночки твои,
За кадром слышат, как негромко,¹⁷
Ты завещал нам всем: «Живи...»
Сказал так просто нам: «Живи...»

*20–21 октября 2018 г. Николаевск-на-Амуре, Восточное Поморье,
Россия.*

Куделиха

*Пожалуй, тема (сцена) посещения матери (старуха Куделиха)
самая сквозная, пронзительная, в киноповести «Калина красная» В.М.
Шукшина.
Автор*

1. Одна – одинёшенька

Марецкая – Проруха! —
Не едет, не идёт.
Ефимовна, старуха,
Роль на себя берёт...
Погибли все сыночки,
Кто на войне, кто так.
Судьба быть одиночкой
А это – не пустяк...
Но есть ещё Егорка,
Да сгинул он в тюрьме.
Махнул он ей с пригорка
Своей рукой во сне...
Украли все иконы,
Из дома унесли.
В душе глухие стоны. —
«Ну вот, не сберегли...»
Убили и корову,
Кормилицу её.
Да кто услышит слово
Про горяшко своё?
Кто в злобе для забавы
Воткнул ей вилы в бок?
Убыток от потравы
Ничтожный, с ноготок...
Ревел во всю Егорий,
Бурёнку было жаль.
Одна на их подворье:
И жжёт тоска-печаль.

¹⁷ Прим.: Заключительные кадры из кинофильма «Калина красная».

Но сгинул в одночасье:
И где же он сейчас?
Лихой был год, несчастья,
И разом свет погас.
Погаснул и померкнул:
Сынок ведь младшим был.
По материнским меркам. —
«Неужто всё забыл?...»
Был ласковым мальчишкой,
Читал ей книжки вслух.
Кровиночка-сынишка,
В душе огонь потух.
Наверно, злые люди
Его забрали в плен.
Видать Егор Прокудин
Не может встать с колен...
Не будет ей подмогой
Он в старости её.
Да ей не надо много
Для счастья своего.
А старшие сыночки
Погибли на войне.
Ни строчки, ни полстрочки
И так – по всей стране.
И дочка глаз не кажет,
Что ж город засосал.
Кто добрых слов ей скажет,
Путь с счастьем подсказал?...
Судьба быть одиночкой
И коротать свой век.
Лишь смерть без проволоочки
Притормозит свой бег...
Кудели ха тоскует,
Беда одной сполна.
И так свой век кукует:
Одна, совсем одна...
Такая вот судьбина,
Такая вот стезя,
Где клин не выбить клином
И отступить нельзя.

2. «Очень русское кино»

«Народ к разврату собран»,
Заказан кабинет.
Егор Прокудин добрый:
Роскошный дан обед.

Душе бы разговенья,
Ведь праздник нужен ей.
Но лишь трава забвенья
В сердцах его гостей.
Гостей чванливых рожи
Для счастья не нужны.
Хоть день и был погожим,
Детали не важны.
Барыжное сословье,
Со вкусом ест и пьёт.
Пойдёт потом злословье:
«Без нас он пропадёт...»
Держи карман пошире. —
«Ага, пропал Егор.
Скажи, зачем проныре
Душевный разговор?»
Уедет он к Любаше,
Ведь дел неупорот.
Она душой всех краше,
Не спит, ждёт у ворот.
А брат её Петруха
Коньяк с ним разопьёт.
Куделиха-старуха,
Всем сердцем его ждёт!
Счастливые мгновенья,
Эх, жить бы – не тужить!
Порывом вдохновенья
Успех приворожить...
Но снова невезуха,
Опять не дать – не взять.
Куделиху – старуху
Марецкой не играть.
Актрисе роль старухи,
Как будто, невдомёк.
Быстрова – вековуха
Исполнит всё и в срок¹⁸.
Случайных два червонца
В карманчике её.
Егорка красно – солнце
Споёт и для неё.
«Калину...» с нежной грустью
Дуэтом пропоют.
Лишь беды от бабуся
Никак не отстают.
А две десятки мятых —

¹⁸ Куделиху в «Калине красной» гениально сыграла (иначе не назовёшь) простая жительница села, вековуха, Ефимья Ефимовна Быстрова. На эту роль приглашали, причём неоднократно, народную артистку СССР Марецкую В.П. Но по словам В.М. Шукшина, она «хитрила». Напрямую, конечно, не отказывалась от роли, но на съёмки, на натуру, в глухомань Вологодской области, не ехала, ссылаясь на занятость... А время шло... Времени катастрофически не хватало.

Весь гонорар за роль.
И две судьбы распятых —
Одна сплошная боль.
И рана кровоточит,
Егорий предал мать.
Судьба беду пророчит:
Страшнее не сыскать.
По жутким повеленьям
Вновь смерть взялась кружить!
Но к чёрту все сомненья —
Для счастья стоит жить!..
Бег времени, эпоха
Не повернутся вспять.
Судьба подарит крохи
И те спешит отнять.
Но только непонятно:
Беда опять сильнее?
И шепчет зло, невнятно:
«Убей мечту... Убей!»¹⁹
Но вновь «Калиной красной»
Макарыч рвёт сердца.
И Брежнев ненапрасно
Всплакнул не для словца...

Ей – ей...

Ликуй душа, играй гармошка,
«Калина красная» звучит!
Но знаем мы, не в понарошку:
Душа Макарыча болит.
И там одна сплошная рана,
Ей-ей, – да что там уточнять...
Судьба-злодейка – без изъяна —
Вновь будет беды насыщать...
Рассвет поник, увяли зори,
И плачет русская душа.
А в Сростках на родном подворье
Тоска... Как жалких два гроша.
Богатства не было и нету,
Лишь всенародная любовь.
Гора Пикет, так, для совета
Промолвит счастью: «Приготовь...»
Судьба с повадкой басурмана
Вновь будет бедам потакать.

¹⁹ Мечта В.М. Шукшина сокровенная, почитай всей жизни, снять фильм о Степане Разине. И сценарий уже готов – «Я пришёл дать Вам волю...»

Душа моя – сплошная рана:
Ей- ей, не будем продолжать...
Душа грустит. Гармонь играет.
«Калину красную» поют...
И знаю я. Россия знает:
Нас снова беды достают.
От нас никак не отстают.

*5 ноября 2018 г. Николаевск-на-Амуре, Восточное Поморье,
Россия.*

Вадим Максимов Москва

Памяти хоккеиста

Шуршит корявый снег, шуршит корявый снег,
И лёд родимый оробел под шайбой,
С небес вернулся лёд – но не жемчужный – тот,
А матовый, а бледный, а печальный.
И тучу грозовую ударило в озноб
Над ТЕМ разъездом, как над лобным местом.
И вздрогнули катки, пусть – даже ледяным —
Своим узрев удар далёкий сердцем.

1982

Большой родимый двор

Откроется гараж, машина из ворот,
Чихнул мотор, и не завёлся, ойкнув.
«Пацан, отвёртку дай!», – мене мужик орёт.
Гаражной крышей прохожу я бойко.
Стена и крутизна, они не для меня,
Пролезу крышей там, где загородка.
Пусть к чёрту на рога вся угодит страна,
Я всё же сам имею сковородку!
Закончим в гараже мы на дворе сквозном,
На сковородке – конские каштаны.
Не верю ничему, уверен лишь в одном:
Что ханы – все, как в мульте – это хамы.
К обеду наш мужик «Москвич» за руль берёт,
Чего мотору фыркать и ломаться?
А сверху, где балкон, не то козёл орёт,
Не то хлипак по-чёрному нажрался.
Мне сбавил тот алкаш серебряный полташ,
Инфляция придурка не тревожит:
По старой госцене ломает он кураж,
А к новой госцене ползти не может.
Пока я верю вам, муровый день страны,
Не заведёшь машину и заложишь.
Для стройки мировой высоты вам даны,
А крышей гаража пройти не можешь!
Хипповый наш мужик, родной крутой пахан,
Ты помнишь и войну, и бериизмы:
Шпынял тебя щенком вонючий оккупант,

И суки в сучьей зоне круто грызли.
Большой родимый двор, бардак и скука в нём,
Шаги десятилетия невнятные.
Как в песне, существуем в году мы в никаком
На рубеже двухмиллиондесятых.
В какую дверку нам, и стоит ли войти?
Но я пока одну дорогу вижу:
Под загородкой тихенько на пузе проползти,
И этим одолеть родную крышу!

1989

Неразрешимое

Целит дом, детский сад, район,
Идеалы, примеры, облики.
Целят, метят, строчат. В кого?
Ведь мишень раскиселится облаком!

Но без игральной той войны
Нет ни тверди, ни мрака, ни света.
Тучи. Боль внизу. Нет вины.
Тучи глухи – с них нет ответа.

1989

Субординация

Не знаю, дальше ты от Бога или ближе,
Когда с врагом приходится дружить,
Но нужно это, и чтоб просто выжить,
И хорошо в стране советской жить!

1996

Неуходящее

В поле детство чиркает сверчками,
И, горячим кварцем накаля
Полдень жизни, шепчется: «Светает.
Глянь в зенит, свои прикрыв глаза,
Веки на разрывный свет смежая, —
И с тобой всегда твоя заря.
Иногда, замуторившись, небо
Отчубучит танец роевой,
Погляди на дождевые дебри —

Гушей померещатся квасной.
Туча вдруг мигнёт, и свет смутится —
Тени сверху, как внизу кусты.
Солнце – даже в выпавшей странице —
Будни предков солнечно-желты.
Жизнь всегда – как солнце-замарашка,
И её нам пальцами марасть,
Точно книжку. Ну, а ливни-промокашки
Вытрут, смоют, дав другим читать».

1979–1998

И неправду в себе содержу

Век застоя, я не верю в лень.
Век злодейства, злом не дорожу.
Пустоты дурной и броский век,
Добр и зол, ничтожен, но не пуст:
Гляньте внутрь – нутро перемешано наше,
Как поварёнком – толчёная каша.
Если аз есмь, то не быть мне ничем.
Не вините меня, ибо я, кто вмещает тебя,
И неправду в себе содержу.

1992

Соловей и власть

Залетела живая лесная вода,
Тронув барственный куши святыни усталой,
Что забыла себя, и жеманною помпой горда,
И жеманно склонилась к мелодии шалой.
Вот те радость и тишь, с нею – наш
нескончаемый мир,
Всей Земле в огневице веков лишь об этом
содружье мечталось!
Но буравили Землю пробоины дыр,
Зачинаясь под сенью святыни усталой.
Солнцу – жить, звездам – жить, а и птице не жить,
Коль Земля, как коробища тяжкая, треснет.
Звёзды Разума! Ну-ка, учитесь светить,
Чтоб жила после вас соловьиная песня!

1990–1998

Устал титан

Тихого месяца сердце просит,
Пламень от нежной росинки устал,
Вышних полётов душа не выносит —
Сник от всесилья на время титан.

1996

Газетчик-кукольник

Газетчик-кукольник, газетчик-кукольник!
У этих кукол только, только лица,
Они хорошие, они плохие,
Они советские, они кадетские,
Они ругаются и улыбаются,
Но не темниться им и не светлиться!
Носы у них не-прямы-не-горбаты,
Глаза у них не карие ночные,
И не полуденные голубые.
Их зубы не-гнилые-не-жемчужные,
Их подбородки вовсе не холёные,
И не щетиною богемы ощерённые.
Но как вольготно у тебя они кайфуют,
Газетчик-кукольник, кукольник-газетчик!
А вот в газетных тощеньких подвалах,
Там куклы горбоносы и зубасты,
Глаза их лихо светятся удачей,
Или прорухой затучились рыдательно.
Без этих кукол вовсе ты не кукольник,
Без них любой газетчик – не газетчик!

1983–1998

Пасквиль на граций

Вот час! Вышли совести грации,
Что были от века чисты.
Грозят зачумлённым овациям
Горящие в небе кресты.
Ах, как бы хотелось нам знамения,
Что чистеньких – нас – вознесёт!
Ведь под земным под знаменем
Герой – немножко урод!
О, в скольких чудесных борениях

Мы были стройнее гор,
Но оползни и поползновения
Готовят витязю горб!
Но лучше шагать горбатым,
И знать о своей грязи —
Тогда ни кнутом, ни мотом
Не выгонят с чистой стези!
Шагай же по чести стези!

1988

«Осудим всякую реальность!..»

Осудим всякую реальность! —
Больших идей полёта дальность
Громадна. Но мозги орла
Равны мышлению козла.

1988

Разница между козлами

Родимый детский сад, почти уж забытой!
Но чту и помню звёздный занавес я твой!
Был кукольный весёлый балаганчик.
Как тёмный наш район, он космосами пах,
Горластостью и таинством надежды,
Но – войлочный козёл, рога – карандаши,
Рыгнул – и все мы расцвели букетом
свежим смеха.
Но чёртово число годов прошло с того,
В театрике опять хандрят зверушки,
Свое рождение скуку им несёт.
Пластмассовый козёл полуабстрактный
По-умному и доброму трещит:
«Нужна планете нашей манна каша!»
...Добавь ещё ему «глобаль», «пардон»!
И тишь в рядах – ну, пруд под гербицидом.
Учёные девчонки и мальцы
Отвешивали: «Очень интересно»,
Как прашур их ясак баскаку клал.
Вот так: простецкий ум пугает паклей,
Иль патлами, оброс от простоты —
за что и не прощают.
Тоскливый лак не страшен, и приятен,
Поскольку он – всего лишь гладкий лак.
Козла мы ждём, иль разницы козлов,

Иль разницы между подобным каждым?!

1983–1998

Новогодняя песенка

Слыша песню, подо льдом пляшут карпы,
В новогодний звонкий час ёлкам жарко!
С Винни-Пухом, Пятачком и Умным Кроликом,
Словно торт, веселье мы поделим дольками,
Фыркнув кошкой, самовар сонный греется,
Ожидая Новый год, сладко верится
Что не будет ничего невесёлого,
Не кусаясь, принесут мёд нам пчёлы.
Словно солнце, лимонад в кружке светится.
В тёплый солнечный нам год крепко верится.

1982

Новогоднее каприччио

Слышится музыка сквозь темноту,
Словно прибой небесной волны.
С ёлкой в весёлую дремоту
Тихо мы погружены.
Будущий год – ёлки пламенный верх,
Мир в новогоднем затоне —
Снится синице: она – Гулливер,
А лилипуты – вороны...

1979–1987

Февральский дождь

Дождь зимою, тепло непрошенное,
Паркий воздух и серый каскад.
От весны, весны недоношенной
В сердце пресная льётся тоска.
А прожекторы ртутными лунами
Влили в дождь жёлто-синий свет...
Не пляшите, дожди ультраюные...
Только капель гуденье в ответ...
Сердце – словно в ручье кораблик.
В рану серая бьётся вода.
Не шуршите, дождей рулады,
Не бренчите сквозь хмурь, провода!

Эти струи, как иглы острые,
Словно первый горя стакан —
Так февральскими зимними вёснами
Расплескался небес океан.
Только будут от снежной соли
Стеньги веток дубов скрипеть,
И прозрачное, словно колба,
Будет небо тугое звенеть.

1981

Раздумья

Тускнеет фальшь сквозь медь цивильных бюстов,
Задохся шкаф: ему невыносим
Тот день, когда тиранил разум чувства,
И правил нетерпимый Гражданин.
Тот день – неверный, солнечный, позорный
Нёс над толпой гуманности азы,
Но мир делил железным зубом чёрным,
Готовя жертвам смертные возы.
Тот день отпел, отбил, отвоевался.
Казалось, взять наследство нам не грех,
Казалось, в бурю всё должно ломаться,
А бурю не осудит человек.
Вняв вековым корыстям бескорыстных,
Восстал лазурно-пламенный восход,
Но век двадцатый свой увидел смысл
В больших громах меж низеньких высот.
По миру тащим груз святого блага,
Но отыскался бурям конкурент:
Он книги жёг, и трупы – как бумагу,
И пожирал скрижали грозных лет.
Повержен он, сожжён, но, осужденный,
Ушёл пока от мудрого суда:
Злодей, богиней Разума вскормленный,
Встаёт, как прежний варвар, без стыда.
А в красном колпачке деваха злая
Сама себе куёт Армагеддон,
И, мнение важных дядей защищая,
Пророчит чувствам рабство и бетон.
Но, заглянувши в старый добрый Разум,
Пройдя сквозь ад, и Рай, и Дантов лес,
Ответим грозно нынешней заразе:
«Прогресс на свете – больше, чем прогресс!»

1985

Цыплёнок какаду, или циничная сказка

Жил-был в московском детском саду
Цыплёнок по имени Какаду,
Он, презирая птичью еду,
Любил, что и люди, клевать.
Был он умней забубенных курей,
Был мудрых сов мудрей,
Но гениальней великих людей
Стукнуло Цыпе стать.
Как же размаху такому не быть:
Реку науки могла б переплыть
Дочь полотёрши, да шефова дочь
Лихо катает по Инглиш и Дойч.
Вызвал наш Цыпа гнома с косой:
«Кореш, до зуда хочу
Стать именитой породой людской,
Или шагнуть к палачу!»
«Ладно, – ответил сиятельный гном,
Встанешь ты в ряд с именитым дитём,
Но НЕ УМНЕЕ. Плясать у воды
С хлебом весь век свой согласен?» – Лады!
Наши детишки в три горла едят,
Сытную пищу даёт детский сад!
...Быстро приходят сон и обед
В крохотном детском саду.
Дети, отбой! Но источником бед
Грянул петух Какаду.
Песня не песня, слова не слова,
Но именитая дочь
Слушает, словно речь божества,
Что папе слышать невмочь.
«Где подхватили вы слово „прогресс“,
Кто к вам с поганой проблемой полез,
Кто в черепок тебе, котик, залез,
Это могу я знать!?»
«Всё рассказал нам петух Какаду,
Вы, – говорил он, – имейте в виду,
Хоть вы пробились, но под дуду
Злую вам век плясать.
Я же возглавить ваш лагерь хочу,
Не повезёт – отдаюсь палачу!» —
Так говорили избранницы роз.
«Детка, опомнись! Неужто психоз!?»
Многое зелье пришлось им клевать,
Валит с копыт и с ног.
«Предали дети! О, чёрная рать,

Как я им верить мог!
Клюв по макитре, расплата сплеча,
Мсть у страны на виду,
Пусть меня ловят по саду, крича,
Я остаюсь КАКАДУ!!!»
...Он прошипел хладнокровно потом:
«Не о чем мне сожалеть.
Вашу систему просить мне о чём?
Я не боюсь умереть!»
...Яблоки поданы, сок и порей,
Подан в детском саду
Нашего детства Жюльен Сорель —
Славный петух Какаду!

1987

Похороны Винни-Пуха

Умер, умер, умер
Винни-Пух.
Опочил в лесу он,
И на кочку – плюх!
Был весел кроткий Пятачок,
Вкусён несъеденный медок,
Был Умный Кролик потрясён,
Хоть и не подал виду он,
Вернулся хвост к Иа-Иа —
И жизнелюбом стал ханжа, —
Винни-Пух – герой, Винни-Пух – поэт,
Обнялись Россия и Англия!
Но однажды от горькой воды,
Что он вместо мёда купил,
Зацепили его сердце тридцать три беды
Тремя тыщами грозных пил.
Винни-Пух пошёл отлежаться в лес,
Полегчало, да смерть близка,
Пятачок у одра весь от слёз облез,
Слезли песни с его языка.
Винни-Пух умирал, Пятачок рыдал,
Автор тоже вдали заплакал,
А вблизи сел от горя бы на кол!
Умер, умер, умер Винни-Пух,
Его пепел в урне хладен, сер и сух!
Слышится из урны замогильный гул,
Все герои мультиков встали в караул:
«Мало, милый Винни, мёда ты сожрал,
Мало с лёгкостью пуха дней ты прогулял,
Мало ты ворчалок детям накропал,

Жар печной поэта в горстку пепла сжал.
Песнь твоя прекрасна, слаще ягод красных...
Посмотри на Пятачка – он весь в утробе горя,
И не скажешь ни просто, ни звучно спокойно про это,
Мы транслируем плач за три моря,
За четыре грядущих лета!»
...Деньги на памятник, венки на могилу —
Нет Винни-Пуха, но песни его не погибли!
Умер, умер Винни-Пух, но на том свете
Встретил духа Вилли-Мух в траурном рассвете.
«Как? Я мёда недоел? И недофилонил?
Как? Я песен не допел под высоким клёном?
Вернусь я домой – и в труде от звонка до звонка
Умерю я жирные слишком бока! По моему, так!»
Горло Пуху для песен лудить,
Руки-крюки певцу не умыть,
По крупинке собрался прах,
И в бессмертье шагнул Винни-Пух,
Винни-Пух свой прах поправил!
Встал из скорбной урны мишка Винни-Пух,
Благодарен духу, духу Вилли-Мух!

1987

Песнь о великом вопросе, или диссидентская сказка

Был давно ли в великих Кузнечик,
А теперь он – великий ответчик:
На приёме ответить не смог
На вопрос владыки бухого.
Эх, державу хваткой битума залепил позор!
А у нас с позором краток разговор: битуму – костёр!
Мы во имя Жизни Кузнечика сожгли,
Прах его позорный Совестью смели!
Эх, да Кузнечиха
Стыд и горе переносит тихо,
Но родители её ребром поставили вопрос:
Можно ли ставить вопросы на рёбра живые?
И, когда их решили повесить,
Эшафот посчитали трибуной,
И сквозь петли из ультракапрона
Прорывалась их песнь о Вопросах.
Да, подмостки честняг провалились,
И устои свободы, как брёвна, по лобному месту катились,
А права и самих праволюбцев
Роковые качают верёвки!
Видишь: новый муж Кузнечихи?
Он – покорный и подлый трепач,

Он с системой мирил Кузнечиху:
«На вопрос отвечает палач,
И идут за вопросом тысячи
Отсечённых в ответ голов,
Спросишь маму – иди на жаровню,
Спросишь папу – готовь себя в плов!»
Не стерпела Кузнечиха – задала вопрос.
Смыл с лица земли ослушницу понос.
Ну, друзья, какой дурак задаст вопрос,
Если землю затопил безгласия понос!?
Но из хрупкой песенки взлетает вещий час,
И упали с шей нечистые верёвки,
Из земли сквозь понос огневые винтовки
Целят обоймами вопросов в палача!
Идольский владыка Вопросами к столбу привязан,
И уже басит нелёгкую песнь Ответов грозных пламя.
Кузнецам казнённым с того света путь домой указан
Дымом светящимся, гласным, как наше знамя.
Пусть вопросы при власти свободы и счастья глупей —
Что же, горе мудрее счастья.
Только ради дурости ты не дыши, не пой,
Чтобы после могло вволю петься и дышаться.

1987

Баллада о карлике с рогом на заду

Грянет час, и неподкупный Разум
Опоит гордыни алкоголь,
Солнце на года в грязи погрязнет,
Подлость коронуется Землёй.
Слышишь – над столетьем кто-то каркнул?
Помнишь – в пятьдесят шестом году
Стал поэтом волосатый карлик,
Хитрый карлик с рогом на заду.
В час вечерний, солнечный, далёкий
У Лужнецких выступал ворот
Тот поэт. А рядом у дороги
Девочка с игрушкой ревёт.
Та игрушка, бурая корова,
Добро-безалаберно глядит
В синий день, что ниткою суровой
Некрасивой сумрачно прошит.
«Что ты плачешь – солнышко у власти,
Нету злобной лампы и следа!»
«Папа, мировой второй участник,
Был бурёнку вынужден продать!
Ты писал о зеках и о солнце,

Парус бригадины надувал,
Но за творогами понесёшься
К нам, на не...геляльный сеновал!
Я спасу отцовские уголья,
Глупость глупых дядек разорвав,
Ты – цветочек барственный в природе,
А ведь есть бесщётная трава!»
«Мы тебе покажем маму Кузи,
Маму Кузи – злейшую из мам!», —
Карлик перед девочкой разулся,
Грохнул башмаком по воротам!
Честен карлик, ничего не скажешь!
Разменявши пять десятков лет
Плачется: «Казнён Лаврентий Павлыч,
Но вельможно дрыхнет Пиночет!
Встань, любовь, и Рай, смешайся с адом!»
Но диктует старцу злая плоть:
«Надо сердце рогом запороть,
Разум задавить вельможным задом!»
... Через четверть века из-за леса
Товарняк проехал по мосту,
Мчит с родной бурёнкой Поэтесса,
Мчит она на выставку в Москву!
Слёз толпы она зазря не выжмет,
Лучше них – поллитра молока.
В стаде лет её Поэме – выжить!
А от Звёзд? Лишь череп да рога!

1984–1986

Наша дорога

Мир между Ним, Всемогушим, и человеком,
Грешным и нищим и диким не стоил бы праха пустого,
Кабы не Жертва – великая светлая Жертва Голгофы.
Шёл человек, пожирая корзинами яблоки Рая,
Но оставался здоровым и в умственной силе.
Божия Милость надменностью нашею не уязвлялась.
Грозы и моры и беды иные, но с нами Он, с нами.
Грянули сроки – и сокрыли собой, от себя, для себя мы Его сами.
Но не силою бурь и огня Он обратно Открылся.
Было открытё свободного нашего разума мукой,
И очевидности, понятой, меры и метры минуя.
Нет, не раскаянных слёз в части рабства у временной силы
Сила Извечная ждёт, а дороги познания.
Путь отступленья – ещё не дорога,
Свет осиянный роняет порою не солнце.

1995

К свету

Свет не познать, светилам поклоняясь,
И не откроешь Рай, в лучи играясь,
Когда в стремленье к Свету свет поник,
То даже солнце в полдень – смертный лик.
Светило Разума и в небесах светило
Извечный Свет собой не заменило.
Пусть незыблем вековечный век —
Водою канут камень, лёд и снег.
Да, воскресают и цвета, и светлы,
И оживут угасшие портреты,
Но неугасшее, прищутив горный свет,
Спустившись ночью в солнечный сонет,
Окрепнет в лад сияющей Вселенной,
Восходом вечным вечновоскрешенной.

1995

Ничья Селена

Дышат, дышат, дышат липы, дышат зимним мёртвым часом,
Снулый день в прожектор влился, он – ничейная луна.
Новой сказкой пепси-кола колет милую минутку
Дня рождения чужого, точно суть потёмок сонных.
Вечером с луны ничейной для ничейной общей жизни —
Три стакана полусонных желтоватого огня.
В парком воздухе, как раньше, липнут волосы под шапкой.
Точно в лакомый колодезь, тянет к прошлым серым дням:
Может, там ничья селена Солнцем Общим обернётся
У начала нашей жизни, у серебряного дна!?

1980

Ветровое стекло

Вот сидим мы в машине, напускно боясь —
Где-то фара у «Скорой», как синий глаз
Фантомасовской думаной дичи,
В ночь дорога всё диче и диче.
Тьмою полит снегов каравай,
И дубы рады белым перчаткам,
Набрякает в тепле голова,

Расплываются страха начатки.
Что-то там на стекле. Или мир на стекле.
Или света умершего перья.
Вылезай, сонный хмырь, сгинь, мотор! А в седле
Сёдлам, креслам не можешь не верить.
Свет Земли за стеклом. И тревожной волной
Он штурмует надутые двери.
Стук земного ядра – а мотор неживой,
И мотору так хочется верить!
По Земле хлещут беды морозным кнутом,
И грозятся волками наброситься.
Дрёма. В ней мы висим на стекле ветровом
На морозном наветренном острове.

1979–1995

Первое апреля

Первое апреля —
День весёлого недоверия и неверия.
Но – пишет солнышко указ
Золотыми перьями,
Чтобы в солнце мы хоть раз,
В жизни раз поверили.
Золотое перо зиму зачеркнуло.
Верным радужным лучом нынче потянуло —
И в набрякшие пески, в душу вод поверишь:
Ход весны не вопреки Первому Апреля.
В несподручный век и час
Верить не с руки нам:
Смерть признаешь, иль печаль —
Льдышкой жизнь застынет.

1979

Весенний промельк

Обнажённая речка запела,
Заплясали на дне голыши —
Не стыдись обнажённого тела,
Не стесняйся открытой души.

1986

Весна

Весна левее левых крыл
И тоньше слов, что в силах иль не в силах
Открыть уход весны с её извечным возвращением.
Нелепо левое крыло, что правость правды не взяло,
У правды – всё, но нет сторон,
В весне спаялись бренность с постоянством.

1995

Гроза придёт

В бастильной пустыне и стыни пустынной
Простор тяготятен и рабственно глух.
Но выдох могучей живой благостыни
Вернёт буйной пыли пламенный дух.
Каменья небытья он серого скосит,
И серой усталости мертвенный пух.
Под солью засохших на камне испарин
Властитель движенья Вселенной застарен,
В позёмку он загнан, в сухую росу.
Но щебень ленивый недвижимый распаришь —
И взроешь, отмоешь, отпустишь грозу!

1994

Низ

А ниже – что? Глухой затон,
Теряет суть течение в нём,
Там для беспечных вод загон —
Рубеж последних волн.

1994

Двустиишие

Ты звезде укажи на её прилёт,
Ты труду скажи, чтобы он прилёг.

1992

Песенка про асфальт

Тяжко по слепым сугробам путь месить,
Летом по асфальту будем бабочкой ходить,

Серая дорожка без изъязн,
Это не болото, это не бурьян.
Высунулся в зиму серенький квадрат —
Летнему привету рад я и не рад.
Нам зимою снится милая трава,
А кудрявым летом в сон глядит зима.
Но над сном о лете зло сереет грусть,
Зимние асфальты – ссадин нудный вкус,
Волком серым злобен голубой обман.
Ты в стогах сугробов не цвети, бурьян!

1979–1987

Летний монолог

Глаза фасеточные – капли дождевые,
Слепы, и всё же чувствуют упругость
Дороги, что раздулась от воды:
«О, гром, бессменный поводырь,
Веди, веди меня, где ПЫЛЬ!»
А поводырь оглох от собственного брёха,
И слышится ему: «Веди меня, где БЫЛ!»
День. Ночь. Неделя. Слепоты кольцо.
Какая мука в этом круге биться!
Тобой самим, твоею слепотой
Сотворено оно... Таран, свобода, выход!
В любую сторону, от всех поводырей,
Куда бы ни на есть – сорвись скорей!
Внизу – листвы зелёные очки,
Сосуд прозрачный, полный сока солнца.
Целительный для зренья цвет и свет.
Как выход из безвыходности прост!
И в новые места уж тянет дождь
Поводыря за тёмно-синий тучи ватник.

1979–2016

Шквал

Я на небе душистом июньском лежал,
Кайфовал под прохладой стеклянной.
Шквал уныло вломился и в лапу зажал,
И не пикнул я в этом футляре.
В дергуне «Жигули», колесом семят,
Агрегат из страны бунтовитой
Клацал всем веществом, и бузила земля,
Было небо землёю залито.

Знаю, как улетают, всем миром дымя,
И плюют, как на шибздигов смерти...
И кому написать, что сегодня не я,
А Земля не вернулась из смерча!

1984

Берёзовый постскрипtum

Лист стиха по-нахальному бел,
Оттого и берёзе не вылинять,
И великая разница слов и дел
Слово с деревом не разминет.

1979–1992

Осень

Осень арбузами пахнет,
Что в клетках зелёных лежат.
Плод полосатый разрежешь —
Клёна услышишь свежесть
И свежей земли аромат.
Он с первым морозом явился.
Лужи, как половицы,
Нынче скрипят по ночам.
В платье арбузно-морозном
Рано явилась осень
Терпкой зарёю к нам.

1978–1986

Хаос-творец

Ноябрь. Сошлись снега с песками.
Был Хаос – злой мороз.
Двух Сил, взаимностью зеркальных,
Иначе б не нашлось.

1994

Песня деда Мороза

Декабрьская полночь черна и сыра,
Дожди на прудах оскользаются,

Прижался к траве, что по-волчьи сера,
Огромный белёсый заяц.
Висит над страной бесснежный прогноз,
На пасмурный морок похожий.
«Прохожий, привет! Это я, Дед Мороз,
Виновник зимы непогожей!
Любая снежинка и капля, поверь,
Запомните, внуки и деды:
Когда-то дрались за Отечества дверь,
Теперь защищаем планету.
Я бросил морозное дело своё,
Планета бушует не даром,
Не терпит угрюмое брюхо её
Притихших вселенских пожаров.
Мороз – пустяки пред всеобщим концом,
Шагаю по лужам угрюмым
По миру простым переходим певцом,
Запрятав в багажник юмор.
И мирной зимой будет лёд голубеть,
И синий морозец будет,
И снежной пылью липа с дубом звенеть,
И холод людей не остудит».

1984

Мой колокольчик ёлочный

Мой новогодний колокольчик ёлочный.
Стекло прозрачно, словно небо детства,
И дешево, и глухо, и бессильно,
Подобное обыденной судьбе.
Но сердцу – на заре и на закате —
Не уместиться в малый язычок.
Нам быть бы языками вечевыми,
Что всенародно грозно вырываться
ИМЕЛИ ЧЕСТЬ – за Слово и за Силу.
А здесь легонько прищемило сердце
От краски той бордовой, неуклюжей,
И радость неуклюже отразившей,
И высоту, и звук, и цвет рассвета.
Другие судьбы – в вымысле и в жизни —
Имели таковые колокольца.
И в поиске той мощи вечевой
Упали хрупкой радужною пылью,
Что не назвать могучим словом «бренность».
Ведь в этом слове слышен отзвук века.
И оттого я в этих перезвонах
Чужую пыль навеки оживил бы —

Извечная небесная попытка,
Извечно светится она и светит мне...

1982–2001

Папагалл

Солнце заходит, сереет день,
Сумерки сходят с небес.
С известью серой был взвешен день
Наш в полушарье небес.
А на кладбище истории темней
Прошлого снулый лес.
Люди в соборе в цепях стерегут
Разум под стражей колонн:
В книгах старинных его не найдут —
Нынче – иной закон.
Ночь настаёт, и все кости встают,
Вышел над судьями суд...
Суд не с заглавной – Истории суд...
Тёмного мира осколки идут...
В яму! Нас там не найдут!
Вот королевский мудрец Папагалл —
Вот попугай из бурьяна восстал,
Каждое слово Земли повторял...
Скука и страх в темноте.
Клювом о полночь Вселенной стучал
Яростно «точка – тире»:
«Нате, любуйтесь, я – ваша мечта,
Кости одни, а живу.
Солнце – ничто, а история – та,
Что я в могиле храню.
Высох весь я, и устал говорить,
Разум вам, чую, не друг!
В вечности погреб мне уходить —
Крикнул деляга-петух!»
Солнце расправило хвост петуха.
Как бы, забыв, не дойти до греха,
Как бы, приняв, не дойти до греха,
Среднее – это дойти до стиха.
Мудрость столетий уж слишком лиха!
Где исторический опыт лежит,
Нынешний фраер забыл:
Солнце в костях бы искать надлежит —
Солнце за чирик спустил.
Выслушал мненье сие клюворыл —
ПОтом пиджак пропитал:
Славу разумного я нацепил,

Славу приличного – снял.
Пусть же над правдой хихикает зверь,
Пусть зубоскалит кино:
Внук Папагалла с правдой моей
С лапами лезет в пшено!

1976–1987

Промельки

«Земля! Небо твоё расторкано дырами труб...»

Земля! Небо твоё расторкано дырами труб,
Синь его нами – наглыми, бренными —
беспардонно сосётся.
Но не солнце подключено к человеческому ламповому шнуру,
А пока человек – великий гость у Земли и у
Солнца!

1986

«У Вселенной стоять на посту...»

У Вселенной стоять на посту —
Человека участь святая:
Охранять сто столетий звезду,
И лететь, до неё дорастая.

1986

Мужество

Не пойдя на пожар, прах оставить и пар
Лишь за слово, округе не нужное.
В поднебесье маршрут люди с ямы начнут:
Такова стартплощадка мужества.

1987

«Выскочившая из массы...»

Выскочившая из массы,
Взлетает зелёная змейка —
О, жёлудя ревность к скамейке,
Где отдыхает Мастер!

1987

«Если пламя бессильно, мне жалко его...»

Если пламя бессильно, мне жалко его:
В твердь не вгрызться, небес не достать,
В бесприютном незнание не греть ничего,
А ведь искра Начала чиста.

1986

«Смеясь, сияют-светятся на смокинге прорехи...»

Смеясь, сияют-светятся на смокинге прорехи,
Мы – чистые и мудрые, одеты как шуты.
За что же нам – Юпитерам, досталось на орехи?
Мы золотой орех не отличали от звезды!

1987

Саркастическое

Готовые любить, готовые убить,
Мы прозевали зёвом суперменства час,
И что для нас, убогих, может хуже быть,
Чем в ящике лежащий Фантомас!

1987

Гордцам-славянофилам

После шума варяжского леса
Поднимался славянский дуб,
Но склоняет в гордыню сердце
Наш капризный трибунный дух.

1987

Ячество

Якаю: я – коммунизм – человек с мечтою
предлинной,
Всё отмерено мной – глубина и ширь,

Одного опасаясь: в какие залезут глубины,
И какими верстами куда зашагают мои малыши?

1987

Откровенность панка

Я – панк, я бэби, брошенное миром.
Галактика – невкусная жратва,
В моей душЕ, как в дУше, триста дырок,
А в голове – пустые жернова!

1984

«От Маленького Мука спасу не было б...»

От Маленького Мука спасу не было б —
Летающая обувь плюс престол...
Да мыслимо давать дорогу в небо ли,
Кто не душой, а телом ад прошёл!?

1986

Урок орла

Дать людям силу, открыть им дорогу
Лапой когтистой своей.
Только урок стоил дорого – много
Ям на Земле от когтей.

1988

«Переменам судьбу перемены пока не устроили...»

Переменам судьбу перемены пока не устроили.
Путь и компас – дела наживные, а нужен ли новый пример? —
Чем негодны когда и кому три васнецовских воина,
И наветренной нашей страны пионер!?

1987

К 100-летию Московской Олимпиады-1980

Ушедший байдарщик промчит по реке,

Как чайки, качнутся бакены,
И солнышко в доброй железной руке
Будет шуметь вместо факела.
Я встану из давней могилы своей,
Хвачу без стыдливой краски:
«МОЯ это сказка, и быть ей моей,
Всемирной став вечной сказкой!»

1983

«Словно касанье священной руки...»

Словно касанье священной руки,
Плуг лечит землю от зимней депрессии.
Прячьтесь, жуки, пауки, червяки,
От белоклювых грачиных репрессий.

1979

«Стыдится дождливая зимняя мгла...»

Стыдится дождливая зимняя мгла
Глаз огненных, голых, голодных.
Прощай, бабка-ёлка, ты с толком прошла
Свой радостный путь новогодний!

1983

«Сколько гулких морей последняя капля скопила!...»

Сколько гулких морей последняя капля скопила!
Населенческой проседью поседела Земля:
Под собой разожгли мы в гордыне горнило.
Мало – жить, по-простому ишача и с ближним делась!

1988

«Что нам порой остаётся на свете!...»

Что нам порой остаётся на свете!
Жаба зелёно-серая,
Тело твоё – как сердце,
Песня – как вздох столетий
В мареве на рассвете.
Ты – точно пряник плесневый,

Выпыленный цементом,
Но сафьяном песенным
Пылаешь ты на рассвете.
В мареве – вздох столетий.

1979

Богини

Порождает земля озверелый осот,
А нутро тешит нежностью словно.
И ласкают кусты в чистоте нечистот
Отписного кладбища сурового
Сладость свежих сердец, что нещадностью сот,
В злобу города глухо закованы.
Здесь рождённые императрицами
ОБЪИМПЕРЕНЫ: «серые крысы».
Худобу выстилает уродка-земля,
Подлю нежа себя выпускницами.
И сбивается жизнь, хоть не сбита Земля,
Измеряема глобусной спицею.
Но сухие пустые породы дрожат.
И живые богини в породах лежат.

1995

На мотив

Ты, Земля, и кругла, и долга,
И к стопам твои трещины строги.
Только месят, как глину, века,
По Земле волосатые ноги.
Паутинит уroda тоска.
Средь подобных себе одиноки
Неуклюжие наши века.
Ну, а мы – волосатые ноги.
Только б сила пришла навсегда,
Нам бы топтать в столетиях стойко!
А в ботинках – совсем красота —
Не устанут весёлые ноги!

1988–2001

Весна у фонтана

Весна молода, и лучей восторг

Холодным огнём жжёт и кровь, и аллею,
Небо – как линза. И жизни сок
В зимнем привычном бессилье млеет.
О, свод небесный! – весны слова,
Их солнечный ветер – сухой и пресный.
Фонтанная дива с дельфином мертва
В неожиданной живой теплоте небесной.
Чужих времён и чужих городов
И в ней, и в нас огонь весенних слов,
И преет дерево в мягком огне,
В чистой живящей лучистой волне.

1985–2001

Луна и печенье

Бурление зарницы, рассвета варенье —
Дух жажды и голода камнем замкнут!
Вопросы долой! За шикарным печеньем
Мы всем коллективом летим на Луну!
Но нам не взлететь! Золотое сечение
Зубрим, стариками готовясь ко сну.
А вкусное всё же приснится печенье —
В Эдем восхождение – через Луну!

1994

Я

Живой и красный огонёк,
Он по душе идёт и плачет,
Но равнодушна духота
Миров в преддверье Мира.

1994

Неожиданное

Иногда встреча нам всяких разлук тяжелее.
Мудрость эта – не мёд, и не радость открытья,
Это – крики луны, избежавшей весенних любовных пожаров,
Избежавшей живительных прикосновений.
Эта мудрость даёт, но ничто никому не приносит:
Оприходуешь будня приход и равнодушие рутины!

1994

Нежданное

В наших ожиданиях высохло нежданное,
Окрылить способное. Все пути стреножены,
Светят три последние звезды.
С них – трёх искр негаснущих,
Млечный путь откроется, время оживёт.
Свершены надежды, осветились будни,
Воды стали водами, а землёй – земля.

1994

Эпитафия некоторым романтикам

Вас били коленом? Молотят с колена
Лабазников новых в лощёных подъездах.
Влюблённые рыночного поколения,
А надо на рынок в Сокольники ездить!?
И прадеды в общих могилах едва ли
Не верят, что правнуки повоевали!

1993

Привет великих шалунов

Мокрое небо, сердится сердце,
Копятся капли, скулит душа.
Век просадил сады ни за так,
Чёрт в них теперь совершенствует сор.
«Жизнь, Свобода, Любовь!» —
Таков привет великих шалунов,
Спасавшихся не Богом, а боями.
Слова, те слова три – не уходящий свет,
Но запаяли шалуны его в завет – мирской завет,
И ВСЁ теперь – НИЧТО. Но отпаять завет —
Признай шалуний тот завет приветом.

1992

Победная песня пегаса

Во времена застоя
Слон три копейки стоил.
А конь взрывной Пегас

Во мгле бесплатно гас.
Но тот ли рок сейчас?
Напашем мильоны, посадим лимоны,
От смерти поют и до смерти поЯт
Мильоны-лимоны, лимоны-мильоны,
Да так, что не просят огня батальоны
Читающих чохом ребят!

1995

Осторожно: целитель!

Целитель глядит на большой аппетит
Народа к обилию тайн:
Ведь мелок бессмертья во здравии щит —
Нырнуть бы в Судьбы океан!
Вахлацким пиликаньем телеэфир
Козлиные кости сживлял.
«А ну, ты, всесилия эликсир,
В грядущем себя от меня утаил!?» —
На космос вдруг я зарычал.
Целитель: «Дам самую первую тайну Земли,
Но клятву с Земли я возьму —
Не хочешь гореть или ползать в крови —
Ты кровью не будь, не родись, не живи,
Не стой и не пой, и светил не лови —
И свет не уронишь во тьму!»

...

– Вы дали ненужною тайной ничто,
Взяв слово не жить – с никого?
– А что может мудрою быть простотой —
Лишь то, что небытьем мертво!

1994

Герой

Грубости я слышал, нежности – произносил.
Разума верная крыша требует силы жил.
Верность грубее правды, верность порыва нежней.
Но на земле ещё не рай – Разума Эмпирей.
Будни дымны аурой плутающего поэта.
Пусть мы в загоне топтанья, пусть в повседневья
нетях.
Ни лепты в грядущую славу. БЕЗ ЛЕПЕТА —

о делах:
Будь только правым, право, а золота стоит зола!

1995

«Если ты – из Будущего птица...»

Если ты – из Будущего птица —
Труд трудов – раскрыться и лететь:
Душной тучей станут сзади длиться
Зори – те, что сердцем разглядеть.

1999

Буревестник

Паренья нету, не было б паденья —
В колдобе прячет пошленький урод
Неслыханные пенье и горенье —
Вперёд, Земля, и звёзды все – на взлёт!
Не возвещати – согривати бурю,
Не обещати вечную лазурь.
Её освищет хлипенький ханурик —
Чтоб взлёт не пал, а светоч не был хмур.
Пусть грянет буря – только, если буря!
Пусть прынет солнце – только, если солнце!
Сияет Разум – только, если Разум!
А тени их, вовек не выводимы,
Помогут грянуть, прыгнуть, воссиять!

2000

Ответ

Очень хочется быть беляшом?
Человеком – не очень почётно?
В печку жариться сядь телешом,
И к столу сам подайся охотно!
Но не хочешь скотиною пасть —
Усекаешь, душою мужая:
Лишь тогда уважаема власть,
Если сирых она уважает.
Пусть силён обожаемый день —
Он растает бездушною пылью.
Над бессильем оскалилась тень —
И величье своё уронила,

И восходы свои заката.
Не геройство – паденье и стыд
Обернутся бессилием горя,
Если голос неслышимый забыт
Ради клика великого хора.
Будет мука: величье – мука,
Если руки подменит Рука.

1998

К имени

1

Мало неуёмным взмыть побегом,
Жажда низо – или высоты:
Только имя строит человека
Хилым, грозным, сложным иль простым.
Полные имя, фамилия, отчество —
Бездна бесстрастной истории, тишь ледяная.
Имя, распластанное в реверансе изгиба «на вы»,
Изнутри ледяное, таит злобу снежного призрака.
Ты, но с тобою на «ты», где порхает беспечная вьюга,
Шутя, так легко заморозить доверившегося.
Человек выше имени, но не жить без него,
От него умирая подчас.

2

Не спросит у света оскаленный вал
Крахмальнёных прав для гонимых.
Я силам стихийных борений давал
Под звёздами гульное имя.
Я силам стихийных борений давал
Средь слов неумолчное Имя,
И ведал, что грозный оскаленный вал
Слугу своего не поднимет.

3

И нам идти по высохшему следу
Имён гремучих, не ища имён.

Чиханье городских камней охрипшим летом
Всех алчет заглотать в постылый сон.
А нам не воплотить, а воскресить не жившее:
Песку без имени не жить, а только тлеть
В ознобе зноя, кликах, звук не слышащих.
Пусть – кличку клика, но – Себя – иметь!!!
А зной всю озлобил в долине,
Что безымянностью пустых песков мертва.
И не спасти ни сути, и ни чина,
Не строя именищам ИМЕНА.

1988–1998

Что – кино?

Что – кино? Может, песенный шарик,
Не придуманный шар голубой.
Там, в убойные муки играя,
Всех побоев смежается боль.
Кучкой скучились Землю хапнувшие,
Что в пожаре любом – господа.
Но, глазища слезищей замучив,
Вверх и вниз заглянем на года.
Ночь ясна. Голубеется шарик.
В синеве притаилась мгла.
Пусть невольницы песней и шалью
Укрывалась веками Земля,
Мы раскрытую правду сражений
Шалью сказки надёжно оденем.

1983–1998

Рок-музыка

В движении пластинка – как планета.
С небес её, железных и не грозных,
Исходит пасмурный, больной и снежный сон,
А в мокрых облаках кипят моторы,
Своим гуденьем голову сжимая.
На той планете – улей, он уютен:
Гитары электронные, как пчёлы,
Жужжат и обходительно, и мягко —
У нас, у нас весь этот жёлтый свет – живой,
А дверь тонка, и песни там уж нету,
А дымный дождь и муторное небо.
Я утомился песней почему-то.
Не в песне чудо: ведь она —

Лишь чудище безвредное, в печали желтоглазой
От грусти опустило серый хвост.
Тоскуем, брат, тоскуем мы по веку,
Где солнце в чистоте своей всеобщей
В счастливом небе радостно раскроет
Падение свободного дождя.

1981–2001

«Мы Вечность чтим, её не зная сути...»

Мы Вечность чтим, её не зная сути,
И оттого не понимаем мира —
Себя, в себе, вокруг иль меж собой:
Порочна бренность, сила преходящих —
Поток живой живых бесстыдно уязвляет.
Им ненавистна служба смертной власти,
И влюблены они в цветы Земли,
Подвластные Земле, Луне и Солнцу,
Подсудные Единому, Кто Есть.
А бренный человек – живой, но бренный —
Не человек для вечности живой,
Нет лада меж живыми и живыми,
Когда нет лада в долготе и сроке.
Поймёт ли море силу капли каждой,
Поймёт ли солнце общность света в мире,
Поймёт ли Вечность общий рок мгновений,
Поймёт ли человека род людской!?

1995

Созиданья смелый рой

Цвета – не зренье. Не шуршите, шоры.
Сомненье – созиданья смелый рой.
Позор от славы, славу от позора
И жизнь от смерти чистит взор крутой.
Окрепло болью Будущего жало,
Боль – выше чина, и в рождение – боль.
И славы воспалённая опала
Взмывает созиданья смелый рой.

1999

Лучи Сашиной клятвы

Сердце Саши летело в ерик,
В злобе слёз Божий Свет погас,
Медуницы латунь померкла,
Как от плети, от зимних глаз.
Солнце скалилось озверенно,
Билось в горле бешеной пеной.
Ты ж оскалился на...Алтарь?...
Кто ж теперь тебе государь!?
Но в безбожных корчах поверил
В крепость солнечного луча.
И отринутый Храм измерил
Звоном каверзной клятвы час.
К века медной большой подошве
Всем чутьём я своим прильну:
Стонет колокол так похоже,
Солнце льётся на всю страну.
Ветви. Сердце мычит и мчится,
Ты муштруешься злой зарницей
На пожизненный чистый бой.
И не пить летний пар голубой!
И не видишь, как в этот час
Два навеки сошлись луча.
И к царям и к лешему – леший,
На поварне Крылов – прощай!
Юный век, юны ты, и знамя.
Пусть сейчас того стяга нет,
Всё бы Родина-мать узнала
Не пропавших сынов скелет!
Десять мигов мы ненавидим,
Но, не мстя, мы не любим жизнь.
Ради наших безволий мститель
Против нас ради нас навис!
И опять два луча взлетают,
Кто-то вновь озверело-прям,
Только чует: ему отбивает
Нынче благовест Троицы Храм.
В этом мире под сеткой света
Над гранитом дятел стучит.
Световую ракетой к Свету
Каждой клятвы взойдут лучи!

1978–1983

Наречья будущих ребят

Пусть в величайшей блуднице,
Оковы подлых губ разя,
Плывёт упущенной зарницей

Волной потопною слеза,
За смерть не отдадут ни мига,
Геройство – тьфу, а цели – смерть.
Коленом поколение выбьет
Себя расклеившую твердь.
Так будь землей. Она важнее сердца,
В себя какой по счёту примешь сад.
И в этом качестве надейся
Понять наречья будущих ребят.

1983–1998

Утро

Вечно новая новь, вечно старая старь,
В них извечно дружное дружество:
Единяется ясный и тёплый хрусталь
С родником. Восходящее утро.

1998

Лирический эскиз

Грусть привычна потому, что она —
Тень стены Жизни.
Любая стена отбрасывает тень,
И, чем выше стена – тем длиннее тень —
Тем больше грусть.
Для тебя, двенадцатилетняя девочка,
Стена Жизни почти что до неба,
Оттого и песенка твоя,
Как перестоявшийся донельзя сладкий чай,
Больно и приторно плещется в моём сердце.
Но за тенью – только дотянись!
Светящаяся лента радуги.

1982

Павлин

Слезы содроганье – не отсвет добра,
Когда колыханье души
Плутает, как перьев павлина игра,
Что до неба хвост распушил.
Не зори – пылинки на хвост летят,
А в сердце пуд грязи осел,

Павлин бы не плакал, будь он тот солдат,
Что Овода вёл на расстрел.
Удушливо-тёмна «душа как слеза»,
Священный купив перелив —
Пьянить и пьяниться под крышею зла,
Павлиний шатёр распустив.

1979

«Бетон под духотою дождевою...»

Бетон под духотою дождевою,
Безделица и сплин, азарт, уют
Здесь. Только стаей злою роевою
Несобственные горести клюют.
Вот мне три года – помню я не зыбко
Арбузный вкус вечерней той косьбы
Полулегальной... Корова Сливка,
Тебя боялся, бедная, прости!
Я зол, но время злобу ту иззолит,
И, не оспорив собственных глупцов,
Не запустить бы голые глаголы,
Что нагоде я дать ковёр готов.
А где тебе, мудрец, ковёр приснился —
Слепому снятся райские цветы!
Целует туча холм цветной, склонившись,
И сеются зелёные мечты.

1983

Поэтессе ирине антоновой

Русалка ты – последняя Ундина,
Ночная тьма тебе – обман души и тела.
Она – ещё не мрак – ручной обман,
В ней видишь ты лишь только то, что ищешь.
В ночи прохладен дом – сто пастей – сто окон,
Дракон родимый твой времён бескрылых,
Но в той прохладе мнится дивный ветер ночной —
Забытый ветер девственного мира.
Ведь ты, не надуваясь, не дрожа,
Формовкою себя перемолола,
И вот уже давно через тебя не бьются свет и мрак,
А плюс и минус плюхаются плоско.
Но для живых они всегда – иль крест, иль меч,
А ты навек – последняя русалка.

1983

Памяти поэтической души

Сивой тучей раздулся вечер,
В зимней сини фонарь ослеп,
Вышел маленький человечек
Скороходом, как человек.
Он средь средних большое может,
Солнце к сердцу по-братски льнёт.
Мал и прост судьбы переход.
Солнце, солнце, приди попозже,
И светила приход отложен.
Лживый зал. Гном огромной люстрой
Пел блестящий и нищий гимн.
Давний день, час мечты стоустой
Покидает счастливый дым —
Поднебесный дым. Не из бездны.
...Путь – ступенек ничтожных сонм.
Не теряйся, рассветов свежесть,
Перед щедростью вечных солнц!

1986

Дядя Костя

Дно больницы. Сверху – огонёк —
Красный глаз, и провод – чёрный хвостик.
Жизни разбивался самолёт,
Пассажир на нём – сосед наш Костя.
В буром утре алый гас ночник,
Превращаясь в нудный глаз змеинный.
Дядя Костя! Смял тебя язык
Смертных приговоров по-латыни.
Мёртвыми словами смерть жива,
А над крематорьем дымы серы.
Кто-то, коль к чертям пойдут дела,
Хочет к сатане залезть в премьеры.
Костя, ты признал: «К чему борьба —
Воспоём хвалу всемирной смерти,
Даже крематорская труба —
Памятник предсмертный всей планете!»
А на песни смерти падок «свет»,
Вихорь листьев лести к павшим падок,
Не скропать нейтронный пистолет,
Не отведав замогильных гадов.

Тлен в дороге – значит, веселись,
Безголова собственная тризна,
Если не усечь, где смерть, где жизнь,
То здоровье у Земли капризно.
Вознесём мажорный алый стяг,
Розами взовьются в небо кости,
Но лупится сытенький мертвяк:
«На фиг нам твой милый дядя Костя!»

1979–1988

Азбука

Прочтите: ТЕЛОК. Т – Твердолоб,
Е – Едок большой, Л – бываю и Ласков,
И Ленивой Лапшой.
О – Огромен буду, пока что мал,
К – Конец веселью, Коровой стал.

1988

Куриные подушки

Подушки наши, как брюшко пеструшки,
Хранят мятеж и ласковую синь,
Согревши нам глумные черепушки.
Не дал налог усатый в тридцать третьем
Состариться михайловским курям,
И оккупант до царственного гребня
Отнял у петушка перо и душу,
И, как в Синюшкиной уральской байке,
В подушку три цветных легли пера.
И лысина Хруща курей лысила,
До срока мы курушек накопили,
И наши ночи в тёмной худобе
Судьбиной кур родимых сохранимы.
А около сычёвского дурдома
Гнетётся кур от века жравший сыч,
И клуша вне политики едома
Лишь им одним, одним, аполитичным.

1992

Змея и цыплёнок

Басня

Змея вздохнула «погоди!» цыплёнку,
Любовь была, как шёлк, светла и тонка,
Змея жила сто лет на сенокосе,
Цыплёнок род вёл от цыплят светловских.
В любовь поверя, о разлуке позабыли,
Хоть рядом есть шоссе, трактир, автомобили.
Закройте очи! – вижу взрыв тротила —
Змея в аффекте Цыпу проглотила!
Закат, сапфиры ночи, вновь заря.
Сквозь стёкла глаз заплакала змея.
И колется о музыку змея:
«Зарю исправить, значит, нам нельзя!»
Но сердце Цыпы и в аду бы не сварилось —
Из пасти вновь к змее цыплёнок вылез:
«Я не держу обиды на разлуку,
Просил бы чувства впредь стянуть сирийским луком
Как можно туже, но готов на всё!»
Мы любим боссов, боссы любят нас,
Но и глотают в форсмажорный час,
И сей закон менять нам не с руки,
Пока мы – змеи или цыплаки!

1979–1987

«Солнцу, луне, о, предки живые...»

Солнцу, луне, о, предки живые,
За далью которые, уподобляйтесь:
Свет и лучи в ваших дневных теньях,
Тайное золото – в ваших огнях —
И перейдёте рубеж дали далее,
И глушь, неизбежно ползущую к смертным,
Сердца свеченьем и звоном затихшего в полночи неба.

1994

Вальс

Куклою розовой, малой, живой
Тонет Любовь одиноко в духах.

Спор о любви раздувается вновь.
И раскричался баян на руках.
Спор этот глух, глух к нему и баян.
Глухи певцы из фирмЫ и тряпья:
«Шепчущих песен могуч океан,
Лейся, Любовь, вся планета – твоя!
Ты нашу Землю достойна крутить,
Вырвать её из цепей и колёс,
Вздохом отчаянной тучи пролив
Над озлобленьем живительных слёз!»
Самое тихое слово – Любовь...
Самое грозное слово – Любовь...
...Золото слова до неба звенит,
Молнией Божией слово летит!
Пена – тот диспут, стенанье иль брёх!
Диск от «Малиновки» ража дрожит.
Крячем вороной, шепнём соловьём
Между собой. Лишь не спутать бы шип
Розы лесной нам с неволи шипом.
Мир проморожен, и мы в нём живём.
Время круглее, чем шарик земной.
Жить и любить. И в огне мы живём.
Станем над всякой холодной волной!

1981–1998

Мост

Нам нужен друг, рассвет и свет,
Нам звуки нужны, свет крыльев и солнце рук.
Злые пороги, любые пороки, и гири цепей – долой!
Дойти и понять, обрести, иль отринуть —
Ничто – это всё, оттого и великая пропасть у нас внутри!
Но, чем пропасть пастистей, чем бездна бездушней,
Тем более жжёт нас великая жажда обняться единством моста!
Каждым двум точкам – опору одну,
Обьятъя родят, несут, ведут, и держат – мир!

1998–1999

Ночь необъятная

Темень всеобщая, ночь необъятная,
Ни фонаря, ни окна, ни мечты.
Волею хилой и тягой невнятной
К сумраку сумрак прижался, застыл.
Темень всеобщая, всё разрушает,

Всё обнимая в объятых пустых!
Видеть – не видеть, и сумрака зная
Реет, молчит, и не знает иных.
Темень всеобщая, темень всеильная!
Знаешь, о мире о всём не гадай:
Малый фонарик, окошко бессильное,
А в вышине пробудилась звезда.
Темень всеобщая, окна зажгутся,
И фонарей, и фонариков хор,
Светом – своим и всеобщим! зальются
Звёзды, сметая безмолвия мор.

2015

На Андреевском мосту

Здесь над чумазым камнем вьются
И давний стих, и дальний вздох.
Здесь мост гитарой революций
Поёт над скопищем эпох.
Здесь всех годов огни и крики
Багрянятся в Москве-реке,
Здесь души-флаги, души-скрипки
Живут в соседнем ивняке.
Окошки чинные устали
Идейно вглядываться в мир.
Покой игрушкам и медалям
В усталых пропастях квартир!
Здесь романтическая богачка
Вийонский видела Париж.
За нею шёл с печенья пачкой
Официальный нувориш.
О, жизнь столетия на снимке,
Что мчалось в вечность, очертя!
Оно юзит в машине зыбкой,
И пусть всю ему свистят!

1984

Стеснённое тепло

Посреди любого века
Мы – не дух, мы – не плоть,
А эфир, метаний полный,
А метаний тех оскал
И стеснённое тепло,
В нас – подспудная заря,

И рассветов ясных волны.
Безъязык ты, иль запуган,
Иль в кипении подспудном,
Ты рождением самим
Растревожен и разбужен —
Камень сам во сне холодном
Распоётся общей песнью
Всех сердец и всех веков.

2005

К Надежде

Идём, или ждём, или мрём, но идём,
И сами в себе шатаемся.
Судилища Страшного нехотя ждём,
Желая продлить свой танец.
Ведь танец-то наш – и не очень жизнь,
А с этим-то жаль расстаться.
Прельщают нас Кущи, но, что ни светись,
Ещё не конец у танца.
Примчит до Суда Великий Рассвет,
Конвульсии снять с планеты,
И век сокрушений, поверженный век
Умрёт на руках у Рассвета.
Сегодня ответ всем надеждам летит,
Но Господа он не заменит.
Увидев сиянье в бездонной груди,
Вспарим над своим бореньем.

1995–2016

«Идти ль на подвиг, открывать ли свет...»

Идти ль на подвиг, открывать ли свет,
Что смраден в новой мгле Первоначала,
Родимого пороками извечно?
История в хитоне, что от неба,
Вздымает из небесной глубины
«ДА!», – подтвержденье, то, что солнцу равно,
Что твёрже тверди, негасимей света,
И долговечней стержня всех веков.
Людской закон – параграф бранных стад,
Что правоту извечную стяжают
Не часто, но её не лишены:
Их «да» и «нет» единосущны духом,
Как маленькая литера без славы,

Но злобны и убийственно всеильны,
Пиранией-рыбой, жрущей имена,
Нелепо оставляя безымянность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.